

Дело о бюловском звере

Автор:

Юлия Нелидова

Дело о бюловском звере

Юлия Нелидова

Губернский детектив Иван Иноземцев #1

1886 год. Молодой доктор Иван Иноземцев, чудака, готовый ради эксперимента впрыснуть себе любое только что изобретенное средство, до того надоел столичной полиции своими взрывающимися склянками, что его не сегодня завтра объявят бомбистом. От греха подальше коллеги помогают ему устроиться уездным лекарем в глубинке. Только кто же знал, что и в тихой Бюловке кошмаров столько, что хватит на всю Обуховскую больницу: здесь тебе и алмазы на дне озера, и гиена-оборотень, и оживающие дамы с портретов, и полчища укушенных людоедом пациентов, для которых давно нет места на казенных койках. Но если действительность так активно подыгрывает галлюцинациям, может быть, доктор в самом деле изобрел лекарство, без которого медицине дальше не жить?..

Юлия Нелидова

Дело о бюловском звере

© Нелидова Ю., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2018

Глава I. Теория случайностей

«17 июля 1886 года, 10.45 пополудни – 1 сантиграмм вещества, синтезируемого из даурицина, полученного из плодов *menispermum dahuricum*[1 - *Menispermum dahuricum* – луносемянник даурский.], на 0,5 мл раствора для инъекций.

11.15 пополудни – никаких изменений. Что ж, придется повысить дозу.

11.35 пополудни – еще 1 сантиграмм на 0,25 мл раствора.

18 июля, 0.10 пополуночи – похоже, снова безрезультатно. Плоды *menispermum* выдали чрезвычайно слабый даурицин, а синтез как будто уменьшил его терапевтический эффект. Решительно никаких изменений, даже кашель не унялся. Я имел надежду использовать свой затянувшийся бронхит для более точных показателей влияния вещества на симптоматику спазмов, к примеру астматического характера. Астму привычно выделяют в один недуг и не относят к нервным, но, по моему разумению, она есть следствие, а не причина. Следствие невротических нарушений.

0.15 пополуночи – но у растения имеются еще корневища!

0.15 пополуночи – ничего не происходит. Сдается мне, последующие опыты с луносемянником будут столь же тщетными. В топку его! Или нет, стоит сменить катализатор. Завтра попробую бромирование.

Вот уже несколько лет я ищу идеальное средство для восстановления утраченного равновесия химических процессов внутри человеческого организма. Простым языком – идеальную пилюлю. Пилюлю от нервных расстройств.

Нервы! (Здесь перо пробуровило в тетрадном листе целую траншею.)

Кто-то сказал, мол, нами правят нервные импульсы. Нами правит материя мозга посредством нервных волокон, подобно тому, как правит кукловод марионеткой – дернет там, дернет здесь, заставит пережить ощущения боли, волнения, страха. Материя эта столь целостна, столь совершенна, что впору ей дать определение более высокое. Философы не даром зовут ее сосредоточием души. Но порой целостность распадается, и совершенная материя ведет себя

как сбежавшая от циркачей мартышка, в лапах которой нервные волокна что вожжи несущейся в пропасть колесницы.

Мне нужно большее, чем валерьяна, мята, боярышник, и менее опасное, чем опиаты, кураре и кокаин. Мне нужно то, что могло бы заменить скальпель и огромное разнообразие аптечных изысков. Одна пилюля – и все! Только одна. Средство, способное устранять любые телесно-душевные расстройства, что есть исток и причина многих болезней. Их я наблюдаю такое превеликое множество, что пора задуматься о решительном шаге в психофармакологии.

Этой дисциплины еще не существует в учебниках, но она таит в себе немало значительного для человечества.

Как, скажите, победить повсеместно царящую острую мозжечковую атаксию у детей и заднестволбовую у людей среднего возраста? А всякого рода припадки? Нервную горячку, порой возникающую без видимых причин? Бессонницу, сомнамбулизм, рассеянный склероз и прочие бульбарные синдромы? Да хотя бы мигрень, эту чуму девятнадцатого столетия! (Перо снова рвет бумагу.) Кого ни спроси, у всех мигрень. Порой достаточно устранить нервное напряжение, чтобы избавиться от спазмов сосудов головного мозга и не доводить до поражения мозжечка, таламуса и шишковидного тела. Не доводить до паралича, эпилепсии, деменции...

То, что философы зовут душой, мы зовем химией. Смятение, страх, боль, восторг, отвращение, подавленность, эйфория суть химические реакции. Человек – передвигающаяся в пространстве химия, природный автоматон, ходячая гальваническая батарея. Органические вещества служат для нее топливом. Их можно поставлять извне, извлекая из многообразия природных ресурсов. А если пользоваться синтезированными веществами, тогда мы просто обязаны уйти дальше простых успокоительных капель и создать средство, способное обращать вспять химические процессы живой материи, менять их вектор. И я найду его, это средство. Такое, чтобы могло усовершенствовать работу органов, запустить дремлющие механизмы самоисцеления, вернуть утраченное равновесие и подарить небывалые способности.

Это прорыв в будущее. Человеку будет подвластно все! Он перестанет нуждаться в больницах и врачах, лекарствах и аптеках, богах и религиях, потому как сам станет богом, а религией ему будет служить всемогущая наука.

Все полученные вещества я, разумеется, испытываю на себе. Никаких искажений, какие дают опыты с лягушками и крысами, быть не должно.

0.50 – важно: без снотворного эффекта. (Подчеркнуто дважды, перо снова рвет бумагу, кашель.) Иначе я не смогу работать.

0.55 – немного кружится голова и мутит. Два сантиграмма! Но поглядим, что же будет дальше».

Иван Несторович Иноземцев уронил голову на стол. Перо черкнуло поверх строк кривую.

На небосклон выполз тонкий серпик старой луны. Город погрузился в предрассветную дрему уходящих белых ночей. Только на Фонтанке за невысокой кирпичной оградой в поперечном двухэтажном флигеле, примыкающем к длинному желтому зданию с треугольным портиком и колоннами, сиротливо горело одно окно.

В свете керосинового язычка поблескивали металлические дверцы шкафов. Стройные ряды стеклянных пузырьков, реторт, колб, тонких трубок, мензурок – ими были уставлены все столы. Где не стояла лабораторная посуда, в беспорядке громоздились кипы справочников, учебных пособий и тетрадей.

Пятые сутки Обуховская больница была единственным пристанищем Иноземцева. Днем он проводил визитации и выписывал рецепты, а ночью погружался в мир открытий и экспериментов. Ночью лаборатория принадлежала только ему.

Еще в академии, начав работу над диссертацией «О применении алкалоидов и фенолов в разного рода хирургических операциях в качестве анестезии», Иноземцев замыслил избавить мир от столь частых в его практике нервных расстройств. По природе своей он был до того впечатлительным, что не только не потерял, как всякий врач, еще к концу последнего курса всякую чувствительность, а, напротив, втайне боялся теперь обнаружить нечто страшное и неизлечимое у себя. Что, если вдруг начнутся какие-нибудь речевые нарушения или он не сможет владеть конечностями, а то и мыслями? Тогда ведь придется сменить белый халат на больничную пижаму!

Нет, нужно найти средство от этого прежде, чем все это случится!

Однако практика и опыты укрепили его. Страх очутиться в доме для умалишенных сменился страстью проникнуть в подсознание человека. Темные пятна в медицине манили, заставляли сердце трепетать от близости великих открытий в сфере психофармакологии – термин, случайно им выдуманный, но весьма заинтересовавший профессоров академии.

Благодаря именитой фамилии и рекомендациям учителей Иноземцев начал карьеру сверхштатным ординатором. Отцу, члену Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, владельцу крупной аптеки в Выборге на Торкельской, не пришлось пускаться в ход связи – сына и без протекции приняли в IV хирургическое отделение, пообещав перевести в штатные хирурги по прошествии года.

Это позволило молодому человеку не только присовокупить пару сотен рублей в год к тем пятистам, что высылали отец с матерью, но и заполучить место для проведения опытов, о котором ранее он не смел и мечтать.

Скажем прямо, это удалось не сразу. На громаднейшую больницу приходилось весьма скромное помещение при аптеке, отведенное под лабораторию. Находилось оно довольно далеко от IV отделения – на нижнем этаже главного здания больницы. Заведовал аптекой вредный и скаредный старикашка-провизор. С первого взгляда невзлюбил тот Иноземцева, часто навевывавшегося в аптеку с невообразимыми целями. Оно и понятно почему: то ординатор подожжет что, то кислотой зальет стол. И нос совать любил совсем некстати, мог ненароком раскрыть страшную тайну – аптекарь приворовывал дорогостоящий хинин, мешая его с меловой крошкой.

Но с нового года больницу благодетельствовало городское общественное управление, и волна перемен накрыла старую добрую Обуховку. Ладно, больных стали кормить не на 10 копеек в сутки, а на целых 17, так ведь и это не все. Библиотекой обзавелись, новыми инструментами, закупили микроскопы иммерсионной системы для бактериологических исследований – шесть штук. Один отрядили в хирургию. Ввиду такого события не жаль было и помещение организовать.

Выбрали то, что располагалось за стеной операционной. В организации будущей лаборатории Иноземцев принял самое горячее участие. На свои кровные скупал необходимый инвентарь, книги, даже раздобыл особого вида горелку – шведскую паяльную лампу. На чудо-лампу, извергающую пламя, будто дракон, поглядеть приходила вся больница. Но заведующий IV отделением доктор Ларионов был лампой-драконом чрезвычайно недоволен, велел ее тотчас из больницы убрать. Да и не упускал случая осадить сверхштатного ординатора.

– Это хирургическое отделение, а не потешные полки, – ворчал он. – У нас и операционной толком нет, закуток какой-то, по которому шныряют то и дело с ведрами и дровами. Хоть бы огородили лестницу! А вы здесь устроили...

Но Иноземцев упорно старался завоевать расположение Ларионова, молил разрешить вернуть горелку, клялся, что о его безобидных опытах не узнает ни одна живая душа, работал рук не покладая, и, пользуясь ночными дежурствами, порой оставался до самого утра. Все это время приходилось перегонять реактивы в собственной комнате, которую он снимал на набережной Мойки у одной вдовы, владевшей несколькими квартирами на предпоследнем этаже. Вдова стойко сносила запахи, невероятный треск, который производил дьявольский аппарат, со слезами оглядывала дыры в обивке, изъеденные кислотой шторы, выслушивала жалобы жильцов – но продолжала позволять все эти бесчинства, тревожась больше за здоровье квартиранта, чем за безнадежно испорченную мебелировку.

– Он подожжет дом! Бомбист, революционер! – кричали жильцы. А Иноземцев старался проскочить мимо, когда встречал кого из недовольных на лестнице, и делал вид, что это вовсе не он.

Молодая хозяйка оказалась провидицей: последний опыт Иноземцева закончился пожаром. Драконова горелка перегрелась, и случился взрыв.

К счастью, ординатор отделался парой легких ожогов. Он более волновался, как бы не дошли до Выборга слухи о чудесной лампе: строгость отца не знала границ. Но ничего не ведавший о происшествии в доме на Мойке доктор Ларионов вдруг позволил использовать лабораторию в ночное время. Так, лишившись квартиры и места для проведения опытов, Иноземцев обрел неожиданно и одно, и другое.

Настольная лампа потухла, комната погрузилась в темноту. Один серебристый лучик, тонкой нитью тянувшийся сквозь полумрак белой ночи, рисовал на стеклянных ретортах колдовские узоры.

Пробурчав что-то во сне, Иноземцев с усилием оторвал голову от тетради и неуклюже принялся шарить по столу. Опрокинул чернильницу, следом лампу. Очки канули куда-то за стол.

– Куда же вы подевались?

Голоса своего он почти не услышал – в ушах стоял гул. По-прежнему мутило.

Преодолевая головокружение и проклиная темноту, он наклонился. Каждое движение отдавалось рвотным позывом, слабость сковывала и притупляла мысли. Вторая инъекция была лишней, следовало дожидаться действия первой. Да-с, поторопился. Однако с тяжестью желудка в глубинах души Иноземцева воцарилось подозрительное умиротворение, похожее на апатию. Помер бы сейчас и глазом не моргнул.

Внезапно у подоконника сверкнула вспышка и тотчас погасла, словно кто-то посветил фонарем и мгновенно скрылся. Но кто в такой час стал бы лезть в окно второго этажа? Разве из любопытства помощник больничного сторожа на драконову лампу захотел поглядеть. А может, кому из больных беспокойного отделения вздумалось прогуляться по карнизам? На первом этаже помещалось проклятое XIII отделение, которого Иноземцев боялся как огня. Не раз во сне видел, как его, связанного, в смиренных одеждах, тащат в самую дальнюю палату. Брр!

Передернув плечами и близоруко прищурившись, он стал медленно пробираться к окну. Сделал три шага, вдруг вспомнил, что надобно глянуть на хронометр, оставленный на столе. Едва успел повернуть голову, как новая вспышка озарила лабораторию.

– Что это, черт возьми? Нехорошо, Иван Несторович, плохо. Снова галлюцинации! В прошлый раз вы изволили видеть индийских слонов, шагающих по набережной. Но откуда в Петербурге взяться слонам? Вы полагаете, Иван Несторович, что слоны на Мойке – явление вполне естественное? Ха-ха-ха!.. Я только что говорил сам с собой? Что-то сверкает с той стороны, надо бы поднять

лампу, отыскать керосин... Разумеется, это естественно, индийские слоны...

Он недоговорил и с открытым ртом уставился на темный прямоугольник окна. В кронах деревьев над крышей сарая повисло нечто – светящееся пятно, медленно принимающее очертания овала, следом звезды и вновь овала. Спустя некоторое время до Иноземцева дошло, что фигура напоминает маленького человека размером с ладонь.

– Поразительно, сколь правдоподобно, – прошептал он заворуженно.

Нечто надвигалось все ближе. Теперь светящаяся фигура стала больше, контуры отчетливее. Иноземцев заметил покрывало волос, словно сотканных из лунного света. Существо уселось на подоконник, обхватило полупрозрачными руками колени и мечтательно откинулось, глядя на звезды.

– Чудеса! – Иноземцев невольно потянулся к существу рукой.

На голос доктора видение обернулось, сверкнуло огромными кукольными глазами и вдруг оглушительно расхохоталось. Чистый, как звон хрусталя, девичий голосок. Тотчас где-то в соседнем доме заиграл рояль:

Не здесь ли ты легкою тенью,

Мой гений, мой ангел, мой друг...

– Еще ведь даже не рассвело, – пробормотал Иноземцев. – Куда так рано распеваться?

Мелодия романса то рождалась прямо у окна, то отлетала к дому напротив. Вот только откуда в больничном дворе взяться роялю?

Вместе с музыкой существо воспарило под потолок, описало окружность над головой Иноземцева, с хохотом вылетело в окно к повисшему над деревьями полумесяцу, потом вернулось и стало плавно кружиться, все ближе подбираясь к отражающим свет склянкам. Наконец, осмелев, дух повис над одним из столов. Горящие глаза впились в изгибы трубочек и пузатых реторт.

А Иноземцев все смотрел на призрачную красавицу, не в силах пошевелиться, и благодарил провидение, что его в эту минуту никто не видит.

- Беседуешь тихо со мною

И тихо летаешь вокруг, -

напевал он в такт доносившейся мелодии, прекрасно сознавая, что природа этого видения столь же ясна, как и природа слонов из предыдущих кошмаров.

Коварная проказница, едва касаясь пальчиками ног, уже вытанцовывала поверх склянок и легонько подталкивала их. Колбы отскакивали и со звоном разлетались в воздухе.

- Стойте! Что же вы делаете? - с неподдельным возмущением вскричал Иноземцев. В страхе, что драгоценные растворы окажутся на полу, он дернулся было вперед, но не смог ступить и шагу. А видение, подобно восточной танцовщице, кружилось над столами, склонялось и выгибалось, волоча за собой шлейф стеклянных искорок и едких паров. Стекло маленькими разноцветными фонтанчиками разлеталось под ее крохотными пятками.

Закашлявшись, Иноземцев заслонил лицо руками. А когда отнял руки и окинул взглядом лабораторию, пришел в ужас.

Танцующая Шахерезада исчезла. Над столами металась тысяча серебряных полупрозрачных вихрей и громили все, не щадя мебели и книг. Стекло, обрывки бумаг, высушенный луносемянник, разлетевшиеся на части шкафы - все поднялось к потолку в дьявольском коловороте. Пол дребезжал и скулил, как замерзший пес, окно хлопало рамами. Иноземцев почувствовал, что проваливается в пропасть. Обессиленный, он упал на колени и вцепился себе в волосы, стараясь покончить с чудовищным сновидением.

- Довольно! - прохрипел он. - Хватит! Боже мой...

Тотчас все остановилось и рухнуло. Последняя вспышка - и полный мрак.

Ослепленный, он не мог видеть, как его рука вдруг оказалась в чьих-то теплых ладонях. Он встал и безвольно направился вперед. Наткнулся на подоконник,

занес колено, потом другое... Вдруг с размаху кто-то залепил ему две оплеухи, и Иноземцев очнулся.

Полуденное солнце брызнуло в лицо. Иноземцев пребывал еще по ту сторону сознания, однако же ни секунды не сомневался, кто перед ним. Пробуждение было мгновенным, словно кто-то дернул таинственный рычаг в голове.

Распластанный на полу, он походил сейчас на рыбу, которую выбросило на берег. Доктор Ларионов склонился над ним. Себе самому Иноземцев казался ватной марионеткой, не способной и руку поднять без воли кукловода.

Он хотел что-то сказать, но слова застыли в районе малого язычка.

- Иван Несторович, вам дурно? Что здесь такое произошло?

Оглушенный ординатор ясно слышал каждое слово. Веки его были по-прежнему смежены, но он видел лицо доктора Ларионова – до того отчетливо работала фантазия, предупреждая каждое событие следующей секунды. Как забавно!

- Вы придете в себя или позвать санитаров, черт меня раздери?

- Да-а, – медленно проговорил Иноземцев, с удивлением слушая свой голос, прорезающий вязкое пространство. Нет, даже не слушая, а наблюдая, как темно-зеленого цвета «да» тяжелой каплей падает в пробирку с синим желе.

- Что «да»? Как это объяснить? Не прошло и пяти дней, как вы разнесли здесь все в пух и прах! Так, значит, выглядят ваши ботанические опыты с травками и камушками? Кем вы себя возомнили? Сен-Жерменом? Калиостро? Напрасно я вам доверял! – Ларионов покачал головой и с глубоким сожалением добавил: – Сейчас же придите в себя и встаньте. Господи боже, что за запах здесь стоит! Что вы жгли? Лукьянов вечно ворчит на вас.

Не чувствуя рук и ног, Иноземцев повиновался. Теперь тело словно раздвоилось: одна половина изнемогала от тяжести, зато другая была подобна птице, порывиста и легка.

Не понимая, как в нем уживаются два человека, больной и здоровый, Иноземцев добрался до своего стола и пришел в удивление, обнаружив, что тот перевернут.

– Кто поступил так с моим рабочим столом? – с наивным видом возмутился он, проигнорировав вопросы заведующего. – Где мои записи и списки? Здесь стояла ваза с луносемянником, он еще нужен!

Ларионов протянул молодому человеку очки, тот живо надел их и, оглядев комнату, ахнул.

– Что же тогда, это был не сон? Лаврентий Михайлович! Кто-то из больных сбежал ночью, верно, из XIII отделения. Я видел, с фонарем!.. Кто это мог быть?

– Ай-ай! Это от вас ваше здравомыслие, Иван Несторович, сбежало. Квартиру госпожи Вольской тоже кто-то из больных спалил?

Иноземцев кашлянул и закусил губу: добрались слухи до заведующего. Нехорошо, погонит из лаборатории теперь.

– Не квартиру, а только одну комнату. Это паяльная лампа проклятая, избыточное давление случилось, я приоткрыл крышку... – стал он оправдываться.

– Уже полдень, друг мой, – прервал рассерженный Ларионов. – Сегодня, едва я ступил на крыльцо больницы, явились чиновники с ордером на арест – из Охранного отделения и двое городских.

Иноземцев обмер. Достал свой карманный хронометр марки Dent London, с которым никогда не расставался: геликоидная спираль с завитком Бреге, фузея с цепью. Щелкнул крышечкой. Действительно полдень.

– Прямо из Охранного? – пробормотал он, продолжая пялиться на циферблат.

– Именно, голубчик. Справлялись о вас, утверждали, будто вы примкнули к банде бомбистов. Что, доигрались, доэкспериментировались до истории? Соседи ваши подали жалобу. Спровадил я тех из охранки, не волнуйтесь, наплел что-то. Мне-то известно, какой из вас бомбист. Тьфу, вы меня расстроили. Что скажет

ваш отец? А мне где прикажете теперь толкового ординатора искать? Никто из докторов в сверхштатные идти не хочет! Снова рисковать и брать студентов, едва кончивших академию? И времени нет с вами возиться. Что я, нянька, что ли? Уже двадцать шестой год. Вбили себе в голову невесть что и балуете. А ведь какие надежды!.. Какие надежды на вас возлагали! Как же, Иноземцев, самого Федора Ивановича правнук! Розги крепкой на вас не хватает. – Заведующий перевел дух. – Ладно, здесь такое дело. Сейчас в докторской сидит дама, прибыла из Т-ской губернии. Могла телеграфировать, но нет, приехала сама. Очень спешит. В одном из уездов пустует больница. Доктора мрут как мухи, последний взял да повесился, остались одни фельдшерицы и сиделки. Даже аптекаря у них нет! Дама знатная, помещица, кроме всего прочего, нуждается в семейном враче для престарелого мужа, который умирает от какой-то африканской болезни. Не заразной, можете на этот счет не тревожиться. Я смотрел историю, что-то с психикой сделалось. По вашей, кстати, части. Поедете? Да что я вас спрашиваю, конечно, поедете! Меж Т-ской губернией и Сибирью не выбирают. Убьем, как говорится, двух зайцев, да и даме поможем. Уже и билеты помещица выхлопотала. Немного поутихнет здесь, выбелят дом госпожи Вольской – и вернетесь обратно. Авось Нестор Егорович и не узнают.

Иноземцев слушал вполуха.

«Так это были не галлюцинации? Или больные взбунтовались? – проносилось в голове. – Да еще кто-то донес на меня! Как есть больные. Нет, не они... Это духи, которых я случайно вызвал. Души тех, кто помер в нашем отделении. Этот, который с апоплексией. Или, может, тот, с правосторонним паротитом. Нет, ведь жив еще же он, господи боже. А нет же, нет! Это тот, что клялся, мол, доберется до меня даже с того света. Говорил, мальчишка, по глазам вижу, что трус... Как бишь его? Крупозный, резать его пришлось. Вот и добрался до меня сегодня ночью. Что я молочу? Я же врач, пусть пока сверхштатный. Какие могут быть духи?.. Что я сотворил с даурицином из луносемянника? Однако меня больше не мучает кашель. Терапевтический эффект был. Был, надо же!»

– Вы снова заснули, Иноземцев?

– Лаврентий Михайлович, у меня кашля нет, – просиял тот невпопад.

Лицо Ларионова вытянулось.

– Собирайте ваши пожитки и на Николаевский вокзал. Свежий деревенский воздух вернет вам рассудок. Заодно разберетесь, отчего доктора не выживают. Послушайте старика, господин Иноземцев, завязывайте с кислотами, концентратами и эссенциями. Вы надышались вредными парами до умопомрачения! Ничего не откроете, только себя погубите.

– Открою, – упрямо буркнул Иноземцев.

К вечеру здоровой половине Иноземцева сделалось худо, и она слилась с больной. Ивана Несторовича скрутило прямо в пролетке по дороге на станцию. «Бронхит усиливается», – констатировал он.

В вагоне разложил на коленях тетрадь и принялся конспектировать печальный опыт впрыскивания странной вытяжки из ягод луносемянника. Все записал: и о прекрасном лунном духе, и о том, как дух сей разбил все его реторты. И насчет романса тоже, который про гения. Но когда подобрался к моменту сотворения чудо-эликсира, вдруг понял, что совершенно не помнит, как синтезировал сию странную тинктуру. А ведь химия – наука наиточнейшая; в любом соединении, если хоть один атом вещества окажется лишним, выйдет совершенно иное соединение, не то, что было прежде, как, к примеру, графит и алмаз. Или еще проще: два атома кислорода мы называем кислородным газом, а три атома – это уже озон.

«18 июля, 19.30», – вывел он и замер, глядя перед собой. Эх, почему сразу было не записать. Пролистал назад – сплошь какой-то бред о страхе обнаружить у себя мозжечковую атаксию. Словно пытался оправдаться перед кем-то за непростительную для хирурга трусость.

– Уже в пятый раз пишу об этом. Или в шестой? – в ужасе прошептал Иноземцев, шелестя тетрадными листками. Пальцы дрожали. Находить и перечитывать одинаковые записи становилось все неприятней. Еще один неудачный эксперимент, и он потеряет власть над собой. – Надо остановиться. Правильно, правильно Ларионов ругал, правильно, что в деревню сослали, – свежий воздух возвратит здравый рассудок.

Вплоть до станции нижегородского вокзала Иван Несторович ерзал на скамье и грыз карандаш, потом переместился в почтовую карету, снова вынул тетрадь, но так ничего и не вспомнил. Витал в мыслях образ ясноглазой феи, а что с чем

смешивал, ацетиловал ли или уже бромировал, что в результате использовал в качестве катализатора, как долго копил – все из головы вон.

– Даурицин, ацетил... Луна, луна, в месяц раз меняющаяся, ей веры нет. Луна, луноверин, – бормотал он. – Что я сделал не так? Какую ошибку допустил, что это такое чудовище получилось? Непременно надо это выяснить, иначе снова топтаться мне на месте.

В тарантасе с ним ехали две девушки с гувернанткой-немкой, отставной чиновник и коммерсант. Стояла жара, мухи назойливо липли к лицу. Молодой врач тотчас вызвал любопытство у всей честной компании: одет по-столичному, в очках, при чемоданчике, держится особняком, бормочет что-то. Стали его расспрашивать – кто, откуда, зачем пожаловал в такую глушь.

– В усадьбу Тимофеевых, личным врачом-с престарелого генерала вызван.

– В Бюловку? – привскочил купец.

Что тут началось! Чиновник и торговец с жаром принялись обсуждать новость, девицы, выпучив глаза, глотали их оживленную болтовню, гувернантка яростно поглядывала на мужчин и иногда вставляла фразу на немецком, после чего осеняла себя крестом – не по-нашему, слева направо. О чем говорили пассажиры, доктор старался не слушать. Под опущенными веками всплыл образ незнакомки – той самой, что явилась к Ларионову с просьбой отпустить кого-нибудь из докторов для больного супруга.

Смелая женщина, эта Натали Жановна, француженка, еще молодая, двадцати пяти лет, с огненной копной волос, с россыпью веснушек и изумрудным взглядом, прекрасно владела русским. Щелчком веера она коснулась плеча Иноземцева и умоляла отправиться с ней в поместье и занять место покойного врача. Сколько их сменилось при ее супруге? Лаврентий Михайлович назвал довольно внушительное число.

Иноземцев вынырнул из воспоминаний и прислушался к спору.

– Видано ли, чтобы человек пропал на полвека, вернулся, нисколько не изменившись, и еще и женился на молоденькой? – горячился чиновник.

– Упырь, поди, – взвизгнула одна из барышень. – Живой мертвец!

– Это вряд ли, – возразил чиновник и хитро прищурился.

– Глаза по-волчьи горят, желтым огнем, – зарядил купец. – Видел я его, когда он еще не был к постели прикован. В город как-то наведывался. Чуть богу душу не отдал, как столкнулись на улице.

Иноземцев бросил короткий взгляд на пассажира, нахмурился.

– А может, авантюрист какой? – предположил чиновник и покосился на Иноземцева, верно, ожидал, что тот скажет. Но Иван Несторович отложил тетрадь, откинулся на стенку экипажа и, скрестив руки на груди, притворился, что спит. Мыслями он уже вернулся к луноверину. Может, это и не ошибка вовсе? Кашель ведь он смог унять. Может, испытать его еще раз?

Неумолкающая болтовня мешала думать.

– Что ни день – покойник, два. Уже и в газете нашей писали. Неведомо, о чем исправник думает.

– Здесь не исправник надобен, а батюшка, чтобы разогнал вурдалаков да упырей и отмолил бюловское поместье.

– Не батюшка, а жандарм крепкий. Он именно что авантюрист и выдает себя за генерала нашего. А авантюрист британский, точно вам говорю.

Какой авантюрист, какие, к лешему, упыри? Хорошо, доктор Ларионов дал свой револьвер. В такую глушь без оружия никак. Туда еще и железную дорогу не проложили, в эту Т-скую губернию.

Глава II. Синяя Борода

«27 июля, 10.10 пополудни – 1 сантиграмм луноверина, синтезированного мной из плодов *menispermum*, на 1 мл раствора. Луноверин... Пусть будет зваться луноверин.

10.40 пополудни – усталость прошла, утих кашель, спала лихорадка. Луноверин может стать недурным противокашлевым средством, ибо действительно подавляет кашлевой рефлекс, если использовать его в дозировке одного сантиграмма, а не двух.

11.15 пополудни – пытался вспомнить рецепт, но тщетно. Клонит в сон. В следующий раз попробую уменьшить дозу еще вдвое, чтобы избавиться от нежелательных эффектов вовсе».

На уездной почтовой станции Иноземцева встретила пышная карета. О да, он был крайне удивлен, увидев посреди замусоренного двора, где справа был колодец, а слева пустые конюшни, подобный транспорт, каких сейчас уже не делали, – на пружинах, массивный, с резной позолотой и шелковыми занавесями на окнах.

– Смотри-ка, генеральскую прикатили, – буркнул дворник, с видом знатока-каретника разглядывая экипаж. – Поди, барыня сама распорядилась. Удивить хочет доктора-то, задобрить.

– Натали Жановна сама, да уж, – отозвался смотритель – тоже вышел на крыльцо, пока Иноземцев помчался собирать саквояж. – Понравился он ей. Гляди, какой фронт: проборчик косой, визиточка щегольская, на носу очки. В прошлые разы приказано было держать докторов, пока у них истерика не начнется. А этому велела мою комнату отдать до наступления утра.

– Верно, Прохор Кондратьич, совсем плох хозяин, раз такая спешка.

– А то ты не знаешь этого старого черта? Душу продал африканскому божку за бессмертие, а тот, известное дело, напроказил – взял и проклял. Он сто лет живет и еще сто лет протянет, кровопийца. Племянницу его жалко. Что они там, в новой больнице, делают – одному богу известно. Хорошо еще, до нас эта чума бюловская не докатилась.

Оба страстно перекрестились.

Иноземцев вернулся, сунул зрителю целковый и чуть ли не вприпрыжку поскакал к экипажу – в одной руке саквояж с книгами и одеждой, в другой – медицинский чемоданчик. Ох, и настрадался он в этих почтовых катафалках.

– Так ведь уплачено сполна, барин, – проворчал вслед Иноземцеву зритель, пряча рубль в карман. – Вот бедовый! Юнец совсем. Точно, эта ханцуженка им больно заинтересовалась. Да и учен, не то что те толстопузые докторишки. Всю ночь писал что-то, потом порошки смешивал и готовил растворы. Я все видел – они дверь забыли закрыть. Такие все вечно забывают, очень уж занятые своей наукой, – важно заметил Прохор Кондратьич и добавил с горечью: – Жаль мальчишку, погибнет ведь в рассаднике чертовщины этакой.

– А мож, не погибнет? Мож, изгонит нечисть из генераловой усадьбы? Наука сейчас далеко шагнула.

А Иноземцев тем временем беспечно мчался к усадьбе отставного генерала от инфантерии Тимофеева, что лежала за деревней Бюловкой.

Как оказалось, генерал был личностью легендарной. Против воли государя в преклонных летах уехал в Британию, после простым волонтером участвовал в одной из англо-ашантийских войн. Мечтал, наверное, о несметных богатствах Золотого берега, бесцельно лежащих под ногами аборигенов, или хотел добыть колонии для отчизны, а может, золотоискателем заделался – никто достоверно этого не знал. Известно было лишь, что генерал в Африке занедужил, из-за чего вернулся на родину. Сколько лет прошло с тех пор, как он отбыл, никто толком не помнил. Стали допытываться – кто таков, откуда. Когда узнали, что беглый генерал, велено было схватить авантюриста. Но едва исправник и отряд вооруженных урядников ступили за порог, как тут же вылетели из дома генерала многозарядным залпом. Донесение в губернское правление гласило:

«Творится там какая-то чертовщина. Его высокопревосходительство генерал Тимофеев вышел встречать меня весь в крови и с бьющимся сердцем в руках. Зрелище самое отвратительное: держал истекающий кровью орган и поглаживал, точно болонку. «Вы смелый человек, Аркадий Алексеич?» – спросил он меня. Я не смог вымолвить звука, а он рассмеялся дико и вонзил зубы в кровавую плоть. Меня едва наизнанку не вывернуло. Я отвел взгляд, только тогда и заметил белесое тело на столе, привязанное за руки и за ноги, с вырезанными кусками мяса. «Этот, – кивнул он, дожевывая, – вчера один на один

с косолапым не побоялся и одолел мишку». И как рявкнет по-медвежьи. Парни мои от звука такого с криками «вурдалак» рванули назад. Как метнулся вслед за ними – не помню, в ушах стоял хохот.

Как выяснилось впоследствии, по африканскому обычаю, обретет бессмертие тот, кто позабудет мирскую пищу и станет есть только дитло – магическое снадобье, приготовленное из сердца врага с добавлением каких-то трав. С каждым съеденным дитло будут пополняться резервы смелости и других добродетелей, вместе с сердцем прежнего хозяина переместившихся в тело нового.

От 15 мая 1877 года».

После сего случая не раз посылали взять и скрутить генерала Тимофеева, но ничего у губернского управления не выходило – то ли ходить туда никто не хотел, то ли вовсе гонцы не возвращались. Об усадьбе Тимофеева, как о дурном месте, решили вовсе забыть. Время от времени только посылали сыщиков – разведать, чем отставной вояка занят.

А дело было дрянь. Люди в Бюловке внезапно стали помирать от какой-то неведомой болезни. Так, по крайней мере, говорили. А кого ни спроси – все живы-здоровы. Как так? Слухи есть – трупов нет. Снова генерал развлекается? Или что, в самом деле ест своих крестьян? Губернатор, предводитель дворянства и вся земская управа знать ничего не желали о бесчинствах старого солдата. Решено было, что недужными крестьянами, если таковые имеются, пусть занимаются доктора из местной больницы. «Положим, запугал он исправника однажды, устроил маскарад, чтоб не отправили к государю на допрос, почему к англичанам служить переметнулся. Вот он и пустил слух, что людоед, – говорил предводитель дворянства, оправдывая свое бездействие. – Врачи-то одни нервные расстройства находят. Стало быть, у страха глаза велики. А генерал молодец: одурачил народ, одурачил государя и живет себе припеваючи с внучатой племянницей, которую взял на воспитание».

О докторам говорили другое. Приезжали многие – кто из губернских городов, кто из-за границы, привлеченные интересным случаем. Были и сельские, и из столиц, но все как один – потрудятся месяц-другой и стреляются, вешаются или топят в озерце. Одного так и вовсе волк загрыз, но здесь другой случай – нечего было ночью в лес ходить.

Иван Несторович Иноземцев оказался восьмым по счету. По-прежнему байки эти его мало трогали – доктор был занят открытиями и торопился изучить другие свойства луноверина. Однако по мере приближения к Бюловке жалостливые взгляды и перешептывания ему порядком надоели. Слушать рассказы он не желал, но против воли краем уха уловил несколько фраз. Уже в который раз ему пророчили гибель.

Пока ехал к усадьбе, старался припомнить обстоятельства, при которых довелось познакомиться с Натали Жановной. Но нет, он был тогда в таком состоянии, что, как назло, ничего не запомнил. Только изумрудные очи француженки – такой свежей и юной, но такой по-царски важной. А, вспомнил! Лаврентий Михайлович говорил, что она из Парижа, пела самому Плон-Плону, Наполеону Третьему. Певица, стало быть, оперная.

Увязнув в воспоминаниях, Иван Несторович откинулся на кожаную подушку, уставился на проплывающее за окошком пшеничное поле и сам не заметил, как задремал.

Разбудил его резкий толчок в спину. Иноземцев с грохотом ухнул на пол и ударился о противоположную скамейку. Обеспокоившись, что совершено нападение, будущий земский врач схватился за саквояж и принялся судорожно искать револьвер.

– Что произошло? – Он распахнул дверцу.

Замечательную карету конца прошлого столетия накренило, и доктор, выходясь, едва не вывалился на дорогу. Одно из задних колес, видно попавшее в яму, лежало поодаль.

Возница, важный бородач с густыми бровями, копался где-то позади, отстегивая то, что было приторочено к приступку для лакея. На револьвер Иноземцева недобро сверкнул глазами.

– Нет нужды бояться, барин. Сейчас вмиг домчите до усадьбы, дайте только лошадь оседлаю. Вы им там скажите, пускай за вещами вашего благородия телегу пришлют. Говорил я, не выдержит эта колесница хрустальная бюловских грунтовых, не выдержит. Нет, надо было ее тащить. На кой черт коляску новую приобретали?

Наконец он открепил загадочный предмет от облучка. Оказалось – седло.

Домчал Иноземцев за час. Все на свете проклял, пока домчал, поскольку не сидел верхом лет сто. Если не сто, то все десять точно – с гимназических лет. Правда, в гимназии Иван Несторович отучился ровно тридцать девять дней: Нестор Егорович остался недоволен успеваемостью сына и принял решение в пользу домашнего образования.

И вот как в детстве – ветер в лицо и какая красота вокруг! Островерхие красные конусы крыш, шпиль и серокаменные стены помещичьего дома тонули под темно-зеленым одеялом парка. Обильно пахло жасмином и спиреей. Дорога шла в гору, лошадь тяжело похрипывала под седоком. Наконец распахнутыми объятиями встретили Ивана Несторовича высокие дубовые ворота с резьбой.

Он ехал, оглядываясь, по аллее приусадебного парка, верно знававшего лучшие времена и более умелых садовников. Не исключено, что когда-то здесь были ступенчатые сады. Дорога то поднималась, и тогда Иноземцев мог видеть, как блестит на солнце изумрудное озерцо и темнеют пристань с лодочками и охотничий домик на берегу, то спускалась – по волнистому ковру проплывали мраморные павильоны, отстроенные в античном стиле, и покрытые мхом скульптуры нимф и фавнов. Потом дорога снова шла в горку – показывались соломенные крыши скотного двора, конюшня, псарни, взметало солнечные искры озеро, и снова лошадь несла вниз, и бело-золотая водная гладь исчезала. Тихо было, безмятежно.

С десятков слуг вдруг высыпало ниоткуда. Гостя окружили.

– Ой, проглядели!

– Ой, виноваты!

Конюх помог слезть с седла.

– Где же Тихон? Где его черти носят, окаянного? Карету ведь специально для вашего благородия отрядили, как барыня велели-с, – горланили слуги, кланяясь Иноземцеву, точно члену имперской семьи.

Да, не ожидал Иван Несторович застать здесь такое оживление. И вовсе не было мрачно обиталище Синеи Бороды. Широкий барский двор раскинулся полукругом. Дорожка обнимала шумный фонтан с одноликими нимфами и вела к мраморному крыльцу с галереей под стройным рядом колонн. Такие замки Иноземцеву доводилось видеть разве только на гравюрах итальянских художников. Даже знакомая с детства Выборгская крепость меркла перед величием тимофеевской усадьбы.

Преогромнейшее строение из серого камня, кое-где потемневшего и покрытого мхом, настоящая каменная крепость, но под кокетливой маской флорентийских палаццо. Три этажа, угловые башни, ряд узких стрельчатых окон с цветными витражами, балконы, островерхие пики, увенчанные флюгерами в виде диковинных птиц. Все эти кружевные балясины, капители, гирлянды, львиные головы, грифоны, вот-вот готовые взмыть в небо, стальные флажки, стонущие от малейшего дуновения ветра, – все воскрешало феодальную Европу, совершенно здесь немыслимую. «Жилище Жилия де Ре, – подумал Иноземцев, – поди, красавица Натали все это устроила». Но нет, строению можно было дать пару сотен лет – время наложило на него свой отпечаток.

Доктор оценивающе разглядывал детали. В юности, было дело, он мечтал стать архитектором и подолгу листал журналы с изображениями шедевров зодчества. К мечтам этим никто, понятно, всерьез не относился. Папенька и мысли не мог допустить, что сын не продолжит дело именитого предка. Но того всегда влекло искусство. Было дело, его так поразила на Невском лавка Эйлера, мастера собирать букеты, что он даже заикнулся, мол, рад был бы освоить ремесло цветочника. Нестор Егорович, чтобы обратить единственное чадо к медицине, именно тогда отдал ему свой микроскоп, который хранил раньше под семью замками.

– Не принимай поспешных решений, не заглянув прежде в суть вещей.

Микроскоп был великолепен. Иноземцев забыл об искусстве и вверил сердце фармации.

Однако где же сама барыня? Он стал вертеть головой в надежде, что молодая хозяйка, которая проявила такую предупредительность и выслала ему навстречу свой экипаж, встретит его самолично.

Но Натали нигде: ни на крыльце, ни у фонтана, ни среди слуг – видно не было. Вместо нее гостя встретил почтенного вида лакей в старомодной ливрее. Поприветствовав его благородие профессора и исполнив несколько ритуальных па, Саввич, верный камердинер генерала, пригласил Иноземцева в дом.

– Благодарствую, – отозвался Иноземцев. – Только я покамест не профессор.

– Аристарх Германович велели ваше благородие величать так, – потупился Саввич, всем видом разыгрывая французскую манерность. Трудно было определить, сколько лет дворецкому. Легкость движений и нарочитая бодрость подсказывали, что не более сорока, но белесый венец вокруг лоснящейся макушки, усталый взгляд и эта изъеденная молью ливрея делали его похожим на столетнюю мумию.

Иноземцев как-то сразу сник. Он сам не смог бы объяснить, что с ним. Просто вдруг вспомнились все предостережения попутчиков. За Саввичем он шел, с опаской поглядывая по сторонам, а в голове звенела одна-единственная мысль, что вот он сам шагает сейчас за самым настоящим вурдалаком и с каждым метром приближается к пропасти. «Беги, беги отсюда», – шептал внутренний голос, а ноги неумолимо несли к гибели.

«Абсурд, чушь», – мотнув головой, остановил себя Иноземцев.

Дом Синей Бороды, как он окрестил хозяина, снаружи и изнутри поражал богатством. Должно быть, африканские алмазы перекочевывали в Т-скую губернию, пока мятежный генерал, облачившись в красный мундир, усыпал землю Ашанти трупами. Сколько же он провел там?

– Вы назвали господина Тимофеева Аристархом Германовичем? – вдруг удивленно воскликнул молодой человек. – Но я полагал, что еду пользоваться генерала Алексея Алексеевича.

– О нет, ваше благородие! Этих двоих спутать невозможно, – спокойно возразил дворецкий.

– Родственник?

– Нет, ваше благородие, и даже не однофамилец. Мой господин на самом деле немец, из Бюловых будут-с, а матушка их – русская. Но отчего-то по молодости они решили взять фамилию супруги, первой из шести.

Иноземцев удивленно воззрился на слугу. Как есть Синяя Борода. А что же с последующими женами – он их съел?

– Женившись на крепостной Агриппине Тимофеевой пятнадцати лет, – продолжал слуга, – они отправились на службу императору Александру Первому...

– Александру Первому? – Еще более удивленный Иван Несторович остановился. – Вы путаете. Быть может, Александру Второму?

– О, наверное. – Дворецкий густо покраснел, верно, со стыда. – Какому по счету Александру не помню они отправились служить...

– Ежели Александру Первому, то вашему господину не менее ста лет, а это невозможно!

– Отчего же невозможно, ведь они живы-с, и дай им бог еще сто лет прожить, – невозмутимо ответил камердинер. И так глянул, что сердце Иноземцева похолодело.

– Наверное, все же Второму, – с дрожью в голосе сказал он как бы самому себе, словно уговаривая не пугаться и не искать во всем подвох. Но колени подогнулись, шаг стал неровным, по виску стекла тонкая струйка пота.

– Наверное, – пожал плечами слуга, – так оно и есть, ваше благородие правы. Стар я, всего не упомнишь. Только, ваше благородие, больны они очень. На вас одна надежда. Сколько здесь докторов перебивало! Один даже из самого Парижа. Только ни черта, скажу я вам, эти доктора не смыслили в медицине. Даже я кровопускание от клизмы отличаю, а те токмо носом ворочать могли да по-латыни изъясняться.

Здесь Иноземцев покраснел: у него как раз с латынью было плоховато. По-французски говорил, немецкий знал худо-бедно, а латынь никак не давалась,

хоть стреляй. Они шли по бесконечной анфиладе, и звук их голосов отскакивал от мраморного пола и уносился куда-то в глубины залов. Иноземцев украдкой рассматривал светильники и высокие рамы, сплошь занавешенные алым бархатом. Только один портрет остался неприкрытым, но его он разглядеть толком не успел, Саввич как будто нарочно заторопил. Зачем было прятать картины под материей? Или это зеркала? А может, что еще?

– Значит, мы напрямик к его высокопревосходительству? – вырвалось как-то само собой.

– Не обессудьте, дорогой гость. Приказ – доставить ваше благородие тотчас по приезде.

Руки снова задрожали. Первым порывом было – возразить. Но ведь за тем и ехал, чтобы лечить старого вояку. Пришлось смириться, хоть встречаться с генералом прямо сейчас, без подготовки ох как не хотелось.

– Много, говорите, докторов п-перебывало. – Он вытер мокрый лоб платком. – А как же вы на Ларионова вышли? Барыня ваша сама в Петербург ездила...

– Так по родственным делам ездила-с. Ведь Ларионов родственником будет Аристарху Германовичу. Брат ее благородие второй супруги, покойной Марии Михайловны.

– Ага, – пробурчал под нос Иноземцев. – Вторая появилась. Так что же он с женами-то делает?

– Простите, не расслышал, ваше благородие.

– Нет, это я о своем... Лаврентий Михайлович не сказал, что направляет меня к вам по просьбе родственницы. Однако для меня большая честь.

Он хотел спросить, правда ли, что Аристарх Германович предпочитает человеческие сердца на завтрак, обед и ужин, но что-то его остановило. Нелепость какая! Не стал бы Ларионов посылать его к людоеду.

Наконец миновали готическую анфиладу, по винтовой лестнице поднялись на самый верх башни и предстали перед дверью, за которой уже лежал прикованный к постели гроза всей Т-ской губернии.

С замиранием сердца Иван Несторович проследовал за камердинером. Тот, не постучав, тихо нажал ручку и на цыпочках скользнул внутрь.

Круглая комната, обитая красным шелком, с мебелью из красного дерева, красными светильниками и огромной кроватью под красным же балдахином, тонула в полумраке. Сердце Иноземцева замерло. Ему вдруг представился страшный хищник, который, тяжело дыша, вжался в угол перед прыжком. Из зловонной оскалившейся пасти между острыми клыками стекала слюна. Когтями он скреб под собой пол...

Молодой человек ощутил острое нежелание быть съеденным и был готов броситься наутек.

Но тотчас устыдился этого. За порог Иноземцев ступил так, словно шагнул в геенну огненную и заранее распрощался с жизнью.

На белых простынях и подушках лежал хозяин в ночном колпаке, до самого подбородка накрытый теплым стеганым одеялом.

Да какой же это немец? Из-под колпака торчали иссиня-черные волосы, овал лица был черен, как у арапа. При приближении Саввича с Иноземцевым спящий вскинул веки, и под ними обнаружили миндалевидные глаза цвета золотисто-охряного, янтарного. Ивану Несторовичу на мгновение показалось, что он уже встречал человека с таким необычным взглядом, но догадка тотчас померкла, затерялась в подсознании, оставила неясный след, как змея, ушедшая в песок. Иноземцев попытался ухватить ее за хвост. Может, в выражении глаз хозяина и слуги имелось сходство? Нет, не то.

– Кого ты привел, болван? – раздалось в двух шагах. – Этот мальчишка и есть врач?

– Да-с, – поспешил с объяснениями камердинер, но договорить не успел.

– От Натали иного и не стоило ждать. – Тимофеев разочарованно вздохнул и отвел взгляд. У Иноземцева отлегло на душе. Услышав голос пациента, он не то что обидеться – он понять не успел, о чем речь: душа ушла в пятки, колени подогнулись. Но этот вздох все вернул на свои места, и Иноземцев, отбросив предательский страх, взял себя в руки.

– Иван Несторович Иноземцев, – представился он. – Ординатор... бывший ординатор хирургического отделения Обуховской больницы.

– Желтого дома, что ль? Вот те на. А что кончили?

– Академию Петербургскую медико-хирургическую... Военно-медицинскую императорскую... Ее давеча переименовали.

– Императорскую, надо же! А отчего, доктор, бледный такой? Испужался, что ли?

Иноземцев опустил голову.

– Нечего меня бояться, я докторов не ем. – Генерал причмокнул языком. – Да и что с тебя возьмешь? Погляди, какой костлявый. Ха-ха!

Раскатистый смех хозяина зазвенел в хрустальных светильниках. Легкие здоровы, решил про себя Иноземцев и отважился наконец открыто взглянуть на старика. Да тот и на старика не походил. Лицо молодое, смуглое, черты ровные, не обвисли.

– Ты, я вижу, сударь, пока доехал, таких сказок наслушался – могу представить. Садись. Саввич, будь любезен, кресло профессору.

Иноземцев не заметил, как опустился в ловко поданное камердинером креслице. Пальцы судорожно сжимали ручку медицинского чемоданчика, смешно подпрыгивающего на коленях.

– Ой, бледный-то какой. Да не дрожи уж.

Генерал прикрыл глаза и устало зевнул.

– Ладно, будет. Чтобы хоть как-то облегчить твое будущее существование, надеюсь, недолгое, расскажу свою историю. Я бывал в Ашантии, это в Африке. Истинная правда, что уж греха таить. Вскружила мне голову золотая лихорадка, решил попытаться счастья. Пришлось даже пойти волонтером в английские войска, чтобы отыскать лазейку и кусочек золотоносной земли добыть. Все вроде ничего – и шашкой помахал, и копи приобрел близ Обуаси. Старателями обзавелся, фирму запатентовал – «Бюлов Диамондс». Только климат там жаркий, по болезни вынужден был вернуться. А здесь, на родной земле, меня ждала расправа, какая в самом страшном сне не приснится. Такой скандал! Чтобы генерал от инфантерии, кавалер ордена Святого Георгия на алмазный прииск бежал и британское подданство получил – это вам не ночные собрания народовольцев. Но все по порядку. На черном континенте я попал в плен к ашантийцам. Ничего не помню, но, говорят, всю зиму провалялся без памяти. Где – неведомо. Один раз только открыл глаза, вижу: звездное небо надо мной нависло, вокруг костры, тени пляшут и барабаны бьют. Дернулся, а руки-ноги крепко к чему-то приторочены. Рот открыл, чтобы крикнуть, – и снова в забытьи провалился. В следующий раз, когда очнулся, надо мной английский доктор колдовал. Стало быть, в нашем, в аглицком лагере я оказался. Сказали, у ставки главнокомандующего нашли. Как? Никто не понял, туземцы к лагерю на десять верст подойти боялись. Голым нашли, с побрякушкой на шее. Саввич, покажи доктору амулет.

Лакей тотчас поднес Иноземцеву клочок рыжей шерсти на бечевке.

– Потом, – продолжал парализованный, – мне один исследователь африканской культуры та-акое порассказал – волосы на голове зашевелились. Будто я стал жертвой древних ритуалов ашанти, будто узрели они во мне кровь далеких предков и решили одарить таким сюрпризом. Припомнить бы те слова ученые... – Генерал зажмурился. – Словом, сделали они меня бессмертным кровопийцей – боудой, вроде оборотня. Днем – человек, а ночью – гиена. По их преданию, если я кровушку пить не буду, сразу и сгину. Я, разумеется, плюнул, сказки, мол, и стал дальше жить. Но не прошло и недели, как мне до того скверно сделалось, что я, припомнив слова доктора Рида, испугался и снова, как в далеком детстве, в Господа нашего Иисуса Христа верить стал, по утрам и вечерам молился. Утром молюсь, а во время вылазок так и млею, когда в рукопашной руки-ноги с кровавыми фонтанчиками в разные стороны разлетаются. Видите, комнату как велел обставить? Цвет этот хоть как-то умирляет безумные порывы.

Но понял я тогда, что возвращаться надо, иначе ум за разум зайдет. Уже и память пропадать стала – днем не помнил напрочь, чем ночью занимался. Кто знает, может, и боудой этой самой бегал, подъедая падаль. Спросить стыдился, людей сторониться стал, чтобы ненароком не напугать своим невольным перевоплощением в гиену... Но все это сказки, доктор, конечно, сказки. Дело было именно в разуме. Страхам тщедушное племя человеческое подвержено, и я оказался слабаком, ведь неизвестно, что со мной творили эти бесы африканские все три месяца. Только во сне до сих пор слышу, как над ухом орут: «Хау, хау!»

Пару лет алмазами занимался, а потом понял, что не могу больше, слишком все о недуге напоминает. Сюда приехал, усадьбу свою итальянскую восстановил... Мой далекий предок для итальянской женушки строил, чтобы на чужбине не тосковала. Понравился домишко? Но надо было еще уладить вопрос с губернским правлением. Вот и придумал я такую шутку. Вырядился каннибалом, антропофагом по-научному. Саввич на столе лежал, изображал съеденную жертву. – Генерал залился смехом – коротким, невеселым.

Отсмеявшись, продолжил:

– Теперь вся губерния в страхе дрожит. А я прикован к этой чертовой кровати. Не успел жениться, как недуг дал о себе знать. Я же, когда приехал, словно заново родился, словно пару десятков лет с горба слетело – таким молодцом себя почувствовал. А на второй день после венчания разыгралась мигрень. Я послал Саввича за доктором, а сам отправился в сад – пройтись немного. Там меня и нашли. С тех пор пальцем пошевелить не могу, тела своего не чувствую, точно снова привязан к африканской земле. А глаза закрою, и воют проклятые: «Хау! Хау!»

Иван Несторович был поражен, слушал, открыв рот, точно мальчишка. И не мог не испытывать постыдного облегчения. Налицо нервный паралич, никак не связанный с людоедством. Однако недоумение не покидало: уж слишком молодо выглядел генерал. То ли красное освещение искажало картину, то ли африканское солнце одарило его кожу поразительной свежестью и гладкостью. Невольно вспомнив портрет, висевший в гостиной, которую они с Саввичем спешно пересекли, Иноземцев задумался. На ней, несомненно, был изображен генерал – во весь рост, в мундире ветерана войны 1812 года, с лихо заломленной треуголкой, с внушительной саблей на боку, статный, со свежим загорелым лицом и хитро прищуренными глазами. Когда портрет написан, доктор знать не мог, но Тимофееву на нем было не более сорока – равно как и сейчас.

Поразительно!

– Что скажете, эскулап? – вывел его хозяин из глубокой задумчивости. – Так ли я безнадежен?

– Думаю, я знаю, что предложить вам, – заговорил Иноземцев, не осознавая, как это срывается с языка. – Мне известна одна техника лечения нервных болезней – гипноз. Встречается в древних аюрведических трактатах о способах внушения с последующим выздоровлением. Их использовали и древние суфии. В Англии и Шотландии уже давно практикуют магнетизирование больных в медицинских целях. Во Франции гипноз прославил знаменитый клиницист, профессор невропатологии Жан Мартен Шарко. Он открыл кафедру нервных болезней в Сальпетриере и клинику при ней.

– Ни о чем подобном никогда не слышал, – в задумчивости проронил генерал.

– Может быть, вам доводилось слышать о манчестерском хирурге Брайде? О его знаменитой монографии, посвященной гипнозу? Достаточно погрузить вас в сон и приказать вам подняться – и вы подниметесь.

– Так уж и поднимусь! – не поверил генерал. – Это что же, колдовство?

– Вовсе нет, это наука. Дело в том, что нервная система представляет собой тончайший механизм, который отзывается на изменения окружающей действительности. Если заставить машину нервных волокон работать на пределе, то наступившее впоследствии расслабление будет сопровождаться подавлением воли. Это состояние и называют гипнозом. Под воздействием гипнотического сна открываются сверхспособности человека, поэтому он так эффективен в лечении множества болезней. Скажу больше, и в хирургических операциях гипноз применяется в качестве анестезии. Во время сеанса вы ничего не будете чувствовать и проснетесь уже здоровым.

– А вы раньше делали подобное?

– Пару раз. И готов рискнуть еще, тем более что кроме вашего ко мне доверия и моей репутации, ничто и никто не пострадает.

И обманул – на самом деле Иноземцев никогда не проводил сеансы гипноза. Немного знал о лечении методом Шарко из лекций, что читали на съездах невропатологов и психиатров, и еще о практике доктора Брайда, монографию коего «Причины нервного сна в отношении животного магнетизма», переведенную на немецкий, прочел в одну ночь осенью прошлого года. Труд был чрезвычайно редким, и брал он его всего на сутки у самого приват-доцента Владимира Михайловича Бехтерева. Чрезвычайно объемная книга, проштудировать такую за ночь решительно невозможно. Но вот что Иноземцев запомнил хорошо: такой способ лечения имел опасные последствия, пациент мог вовсе не проснуться после гипнотического сна. Шарко вообще относил природу гипноза к нервным расстройствам и считал, что здоровые люди ему не поддаются.

Зачем он вдруг решил обнадежить генерала? Зачем обманул? Из сострадания? Чтобы выиграть время, произвести впечатление? Или, может, осуществить любопытный эксперимент?

Решительно атмосфера этой комнаты действовала особым образом.

– Никогда прежде я ничего подобного не слышал. – Генерал спустил Иноземцева с небес.

– Полагаю, африканцы тоже воспользовались гипнозом, дабы внушить вам, что вы не проживете без человеческой плоти и крови, – бесстрастно продолжал молодой человек. – Поэтому надобно действовать клин клином. Я не верю во всю эту чушь с вурдалаками и упырями.

– Интересно, интересно... Что же, тогда мы заключим с вами соглашение. Саввич, бювар, – велел генерал.

Лакей метнулся к изящному секретеру с такой поспешностью, словно давно ожидал этого приказа, и подал Иноземцеву две совершенно одинаковые бумаги.

– Что это? – удивился Иван Несторович и из приличия читать не стал.

– Моя духовная, – пояснил генерал. – Все свое состояние я поделил на части между женой, племянницей и несколькими преданными людьми. Одна из частей будет принадлежать тому, кто поднимет меня с кровати. Ежели этого не

случится, она часть перейдет в государственную казну в качестве компенсации за мое беспокойное начало. По этой причине духовных две, и отличаются они условием моего дальнейшего положения – вертикального или же, увы, горизонтального.

Иноземцев покраснел, но не сказал ни слова.

– Ты, сынок, верно, догадываешься, что это немалая часть, если я готов ее отдать государю-батюшке. Да не останется имя Аристарха Германовича Тимофеева опозоренным глупыми россказнями! Я рассчитываю или подняться и отвоевать клочок Африки для России, или тогда уже компенсировать свое бездействие. Саввич, давай дальше.

Камердинер подал Иноземцеву третью бумагу.

– Здесь я клятвенно обещаю отдать принадлежащие мне алмазные копи на юге Ашантии тому, кто поднимет меня с постели. Имя не вписано. Но это не все. Алмазы, которые мне удалось добыть и переслать сюда, уложены в подвалах этой усадьбы, и место известно только мне. Это несколько миллионов рублей.

Иноземцев присвистнул. На лбу снова выступили капельки пота, руки, сжимавшие тонкую бумагу, задрожали. Эдакие деньжищи! Не в бреду ли больной? Только сейчас Иноземцев внезапно понял, отчего здешние врачи стрелялись, вешались и топились – им не удавалось излечить генерала, и алмазы ускользали сквозь пальцы, точно песок в африканской пустыне. Не выдержав конфуза, они кончали с жизнью.

Нет уж, дудки, ни деньги, ни прозрачные алмазы Ивана Несторовича Иноземцева не интересуют. Прямо сейчас нужно взять и отказаться от губительного предложения. Позвольте, отчего же губительного? А как же гипноз? Судя по тому, как генерала удивила эта идея, прежние доктора не пользовались методом Брайда, и значит... Значит, может произойти чудо! И несколько миллионов в кармане.

– Так что же, Иван Несторович, согласны?

– Да, – само собой вырвалось у него.

Не чувствуя под собой пола, на ватных ногах Иноземцев вышел из комнаты и прислонился к стене. Срочно изучить метод Брайда! С собой есть несколько книг по психиатрии... Надобно написать Ларионову, попросить о консультации. А может, ему удастся достать монографию и переслать сюда? Черт побери, но почему он умолчал о столь странном родственнике? Никакой это не Синяя Борода, а самый что ни на есть алмазный махараджа!

В то мгновение, когда Иноземцев наконец начал приходить в себя, потер глаза под очками, привычным движением провел по волосам, энергично взлохматив затылок, в дверях небольшого холла мелькнуло светлое пятнышко. Насторожившись, он поднял голову и обратил испуганный взор к колыхнувшей шторе. В проеме стояла светлоголовая девица в легком платье, перехваченном в поясе лентой.

Иноземцев обмер.

Девица эта была вовсе не девицей, а видением из лаборатории. Да-да, именно она! Те же кукольные золотисто-янтарные глазища, подернутые печалью, та же игривая улыбка, только волосы не лунного, а пшеничного цвета и заплетены в косу, переброшенную через плечо.

Видение присело в реверансе и выпорхнуло на лестницу.

– Это их воспитанница, племянница внучатая, – прошептал в самое ухо камердинер, весь порозовев от смущения, – Ульяна Владимировна. Милое дитя, воспитываются сами по себе, сидят в библиотеке часами... Эх! После смерти родителей в пятилетнем возрасте потеряла дар речи. Его высокопревосходительство взяли любимицу на воспитание, своих детей Господь-то не дал. Бедняжка за целый год не проронила ни словечка. А потом заговорила! Знаете, как-с? Пошла в лес и заплутала. Вот, я вам скажу, история была! Все чуть с ума не сошли, когда хватились, что ее нет. Весь уезд обыскали. Если бы не страх перед нашим барином, пришел бы исправник со своими молодцами! Тотчас бы нашли. Отчаялись уже. А через два дня конюх наш видит: у ворот волк, только странный такой, с виду как лисица, но огромный и морда круглая, а в зубах белое что-то. Схватился за ружье – зверя нет как не было. А девочка наша живая и невредимая уже бежит по аллее и кричит радостно: «Дядюшка! Дядя!» Что было-о! – Саввич смахнул набежавшую слезу и шмыгнул. – Но хоть и заговорила Ульянушка, с той поры из нее слова не вытянешь – все молчит и читает. Умными глазками хлопает и дальше читать.

Одна радость, поди, в этом. Жаль, пропадает цветок в деревенской глуши. Это из-за нее барин подняться хочет. Нет ведь никого у нее в целом свете, кроме дядьки. Сиротка!

Иноземцев удивленно воззрился, но ничего не сказал. К горлу будто ком подкатил от внезапного прилива жалости.

Комната, которую выделили для почетного гостя – а Ивана Несторовича по-другому и не величали, – обставлена была словно специально для человека науки: большой стол с удобным креслом, высокий шкаф с книгами и стопками журналов.

Увидав ровные столбцы корешков, Иноземцев бросился к шкафу. Нет, все не то! Философия какая-то, история, пара немецких работ по физиологии. Монографии мистера Брайда не было, на такую удачу глупо и надеяться. Зато журналов тьма-тьмущая – не пропадешь. Ровными стопочками громоздились «Московская медицинская газета», основателем которой был его дед, «Медицинский вестник», свежие выпуски недавно открывшегося журнала «Врач». Верно, остались от прежних докторов.

Лихорадочно дыша, Иноземцев схватил потрепанный труд Сеченова «Рефлексы головного мозга», открыл и стал читать. Вернее, пытался. Буквы плясали, расплывались, меркли.

– Очки! – Иноземцев хлопнул себя по нагрудному карману.

В памяти вдруг возникла тоненькая фигурка хозяйской племянницы. Он опустил руки.

Обуял стыд.

Стало гадко при мысли о том, с какой легкостью и каким наивным воодушевлением согласился он на предложение, совершенно не подозревая о незавидном положении девушки. Что сможет он сделать для больного? Поддался юношескому порыву, наговорил о гипнозе, о котором едва знает, пообещал чудесное выздоровление.

Иноземцев обошел стол и устало плюхнулся в кресло. Через минуту уже провалился в сон, уронив голову на руки.

За окном почтового экипажа проплывал темный лес. Только начинало светать, вдоль дороги мелькали молодые сосенки. Так что, все это приснилось: усадьба, больной генерал, златокудрая племянница с печальными глазами?

Молодой человек шмыгнул носом. Грудь сдавило от неведь откуда взявшейся тревоги. Вдоль спины к затылку пробежал озноб – бронхит, едва не сваливший его с ног, снова давал о себе знать. Иван Несторович потянулся за аптечкой. Первое, на что наткнулся, – револьвер. Смехотворно-сладким движением приложил дуло к голове... «Не лучше ли пулю в висок и забыться вечным сном?» – подумалось с наслаждением. Но через минуту Иноземцев отложил револьвер и принялся за изготовление раствора.

– Ваше благородие, ваше бла-го-ро-дие!

«Да какое я ему благородие!» И продолжил методично закатывать рукав, но тотчас, словно осознав, где находится, вскинул голову. С криком взглянул на собственные руки. Только что эти пальцы держали шприц, а за окном проплывали сосны.

– Приснилось, приснилось, – с ужасом зашептал он, махая руками, точно отгонял от себя демона. Было сумеречно, а на носу не сидели привычные застекленные кольца, поэтому он не сразу признал Саввича.

– Доброго вечерочка, ваше благородие, – пропел камердинер, подавая очки. – Вы так с дороги устали, что не дождались своего слуги и прямо здесь, на столе, почивать легли. Барин узнает – велит меня выпороть.

– Я вступлюсь за вас на правах гостя, – ответил сонный Иноземцев. – И приехал я без слуги, я помню.

– Так-то оно так, но барин велели вам в слуги Фомку предоставить. Негоже такому высокому гостю без лакея. Он вам и платье отутюжит, и переодеться к ужину поможет. Золотые руки у парня.

Саввич щелкнул пальцами, и в комнате возник Фомка.

Брови Иноземцева поползли вверх от изумления, до того внушительного роста был его новый лакей – настоящий викинг: белесая копна волос, лицо без бровей и ресниц, на виске синюшный шрам. Канделябр он сжимал в огромной руке, точно спицу. Отутюжит платье, он? Этот мясник, этот Франкштейнов монстр?

«Вы, верно, издеваетесь!» – хотел крикнуть Иноземцев, но инстинкт самосохранения велел закрыть рот.

– Не стоило, право, – пробормотал он только. – Я привык обходиться без сторонней помощи.

Но камердинер не стал возражать – ловко сменил тему, заговорил об ужине и хозяйке, которая уже прибыла и желает ближе познакомиться с гостем.

Не успел Иноземцев привести себя в порядок – умыться и надеть чистую тройку, пригладить волосы, как в коридоре послышался стук каблучков и звонкий чарующий голос с легким акцентом.

– Бонжур! – Рыжеволосая красавица впрорхнула в спальню Иноземцева с очаровательным пренебрежением всяческими приличиями. Остановилась и оценивающе оглядела доктора. – О, вы совсем не похож на того горэ-ученый, с каким мне довелось познакомиться в кабинете Лаврентия Михайловича... Шерман!

Иноземцев смущенно покраснел, а Натали сморщила носик, бросив взгляд на косо повязанный галстук. Тотчас подлетела, поправила ненавистные белые складки под подбородком, подхватила гостя под локоть.

– Фомка, посвети нам, на лестница еще не зажгли свечи, – крикнула повелительно через плечо и, развернувшись, обратилась к Ивану Несторовичу, снова широко и обезоруживающе улыбаясь: – Позвольте мне пр-роводить вас. В этом доме легко заплутать – он такой огр-ромный! А до изумр-рудной залы путь не близок. Признаться, я не думала, что человек, которого рэкомендовал сам месье Карпинский, будет выглядеть так молодо.

Иноземцев удивленно приподнял брови. Иван Гаврилович был единственным из его преподавателей, который отказался дать рекомендации по окончании академии. Вместо рекомендаций он объявил молодого человека безумцем, ибо панацеи, какую искал Иноземцев, по его разумению, не существует в природе.

Натали прочла на лице молодого гостя недоумение и поспешила добавить:

– Да-да, месье, он высоко ценил ваши ум и способности. Кстати, именно месье Карпинский поведал, над чем вы работали в студенческие годы и работаете сейчас. Это, право, так благор-родно! Моя тетушка из Марселя недавно скончалась от какого-то нервного расстройства. Доктор приписал уколы, но они не помогли. Теперь близ Марселя пустует домик, где я так любила проводить летние дни, – печально вздохнула Натали и тут же игриво покосилась на покрасневшего Иноземцева.

– Вы мне льстите, – удалось наконец выдать на французском, который он недурно знал с детства благодаря домашней учительнице. – Не думаю, что большой ум и способности дали мне возможность благополучно доучиться и поступить к Лаврентию Михайловичу. Если бы не громкая слава моего деда...

– О, вы говорите по-французски? Шерман, шерман, мон ами. Да-да, знаю, «Московская медицинская газета», – оживленно прервала его француженка, продолжая на своем родном языке. – Я большая поклонница вашего дедушки. И Нестора Егоровича, папеньку вашего, знаю. Улица Торкельская, верно? Выходец из семьи врачей, детство прошло среди флаконов, пробирок, порошков и прочих фармацевтических вещиц, потомственный доктор, в жилах которого, уж конечно, найдется пара капель крови рода Авиценны. Не так ли? Знаем, знаем, что ваши предки из Персии, Иван Несторович, и не исключено, что отношение к великому мудрецу вы имеете самое прямое. А может, есть и портретное сходство? Уверена, вы птица высокого полета.

Вместо того чтобы задаться вопросом, кто просветил мадам относительно его скромной биографии, Иноземцев опустил глаза и вспыхнул, как барышня. Сейчас он скорее походил не на Авиценну, а на глупую ворону, готовую выронить сыр из клюва, к радости сладкоречивой лисицы.

– Благодарю, – потупился он. – Вы увлекаетесь медициной? Здесь столько медицинской литературы...

– И да, и нет. Но об этом позже. А что касается Ивана Гавриловича, то с ним я тоже виделась в Петербурге. Он был рад, когда я сказала о своем желании сделать вам предложение переехать к нам и занять должность врача. Земская управа едва поднялась и не очень-то умеет ходить на своих слабых молодых ножках, до больниц и школ ей дела нет. С вами мы сотворим много доброго и благородного. Нас ждут великие преобразования! Месье Карпинский сказал, что вы один из немногих, кто бы мог взять на себя такой труд. Шутка ли, одна больница на целую округу. Да вам самим мое предложение оказалось кстати, – француженка хихикнула. – Расскажите, что вы натворили в Петербурге? Отчего вас ищут жандармы?

– Глупая история, – снова вспыхнул Иноземцев. Тут он некстати с огорчением вспомнил о паяльной лампе – хороший был аппарат. Далее в голове мелькнул вопрос о семи предыдущих земских врачах. Мелькнул и исчез; еще один взгляд очаровательной генеральши, и он позабыл обо всем на свете, вслушиваясь в щебетание красавицы. И о лампе позабыл, и о погубленных коллегах, и о том, что, кажется, ему придется надолго застрять в провинции...

Тем временем они добрались до изумрудной залы – любимого уголка молодой хозяйки.

Иноземцев никак не мог понять, откуда у такой щеголихи страсть к прошлому. Изумрудная зала, где накрыли к ужину, тонула в лепнине, рюшах, светильниках, вазах, лентах и прочей мишуре времен Помпадур.

Здесь Иноземцев бросил взгляд на генеральшу и решил, что легендарная маркиза выглядела именно так. Хороша пара – Жиль де Ре и мадам Помпадур.

Натали весело хохотала, слушая студенческие байки Иноземцева, а тому было что порассказать. Истории с паяльной лампой предшествовало множество ситуаций, в которые юный доктор только и успевал попасть. Он так увлекся, что совершенно не замечал, как бежит время. Не скоро Иван Несторович обнаружил, что в зале кроме него самого, прелестной хозяйки и пары слуг, была и Ульянушка, это молчаливое и печальное создание. Она стояла у окна и даже головы не оборачивала к расположившейся на козетке парочке.

Сели за стол – внушительной длины обеденный стол, покрытый белоснежной скатертью и уставленный сплошь серебром и хрусталем. По обоим его концам

уселись мадам Тимофеева и Ульяна Владимировна. Дорогому гостю поставили прибор по правую руку от хозяйки, так что бедняжка Ульяна сидела от них на довольно значительном расстоянии и принимать участия в беседе не могла. Но, похоже, она этого и не особо желала. Станным казалось абсолютное равнодушие блестящей француженки к племяннице. За весь вечер та не удостоила ее ни взглядом, ни словом.

Иноземцев чувствовал неловкость. Он ерзал, вертел головой, а с языка продолжали срываться какие-то слова, рот был растянут в восхищенной улыбке. Мадам Натали отлично владела методом английского гипнотизера, раз ей удавалось захватить все внимание себе одной.

– О месье Иноземцев, – смеялась она. – Или «Шато Марго» вскружил мне голову, или вы большой мастер веселить.

– Простите, мадам, – отвечал Иноземцев, все острее чувствуя неудобство, – но по-французски я плохо изъясняюсь... – Отчаянный взгляд на другой конец стола. – Не пытайте меня, иначе рискуете разочароваться. Я исчерпал весь словарный запас, которым меня в детстве снабдила мадемуазель Софи.

– Вовсе нет! – Генеральша-маркиза наклонилась к уху молодого человека: – По-моему, вы отлично изъясняетесь. Ваша гувернантка сделала из вас настоящего француза.

В эту минуту Ульянушка поднялась, присела в книксене и вышла из залы. Натали покосилась ей вслед, а бедный молодой врач более не смог улыбаться и веселить хозяйку. Все внутри словно оборвалось. Конец ужина был безжалостно скомкан.

С уходом Ульяны и Натали словно подменили.

Она безжизненно откинулась на спинку стула. Тотчас ей поднесли папиросу, заправленную в орехового цвета длинный мундштук. Генеральша с наслаждением затянулась.

– Бедное дитя! – выдохнула она со струйкой дыма и бросила в сторону слуг: – Ступайте!

Два лакея, горничная и грузный Фомка ретировались. А хозяйка продолжила:

– Она сама не своя от всех этих безобразий, которые повлекла за собой ложь Арчи. Как поступили бы вы, будучи племянником людоеда и кровопийцы?

Иноземцев не знал, что сказать.

– Жить взаперти, посреди океана презрения и ненависти! Это слишком для юного, полного жизни существа, созданного для любви и приключений. Арчи на всех нас навлек страшную беду, и Господь наказал его по заслугам, сковав его тело льдом. Он обманул меня! – почти прокричала она. Француженка совсем переменялась: втянула шею, сжалась, точно задул сквозняк. Она лихорадочно курила. С ее лица сошел румянец, под глазами легли темные тени. За несколько секунд из задорной хохотуньи она превратилась в согбенную невзгодами старуху.

Иноземцев не мог объяснить это явление. Как будто внезапно кончилось действие молодильного эликсира.

Не зная, как быть, сидел, вперившись взглядом в рубиновый кружок вина в фужере, и молча продолжал слушать.

– Он жестоко обманул меня, месье Иноземцев. Я выходила замуж за человека чести, достойного имени, которое носит, человека высоких идеалов, от которого была без ума, а оказалась рядом с фокусником, лгуном! О, это ужасно!.. Должно быть, он вам уже наплел, что в подвале дома спрятаны алмазы? Чушь, полнейшая чушь! Не смейте его слушать. Все, что он имеет, – это мое приданое, приданое дочери банкира, оно и позволило ему отреставрировать этот дворец. – Натали с презрением окинула залу. – Оказалось, у него чудовищный вкус. Скульптуры из папье-маше под позолотой, тысячи рам и ни одной картины, сотни пустых заброшенных комнат, все богатство которых – паутина, крысы и его гнусный портрет.

Внезапно она развернулась и схватила Иноземцева за локоть:

– Вам одному под силу спасти нас от этого сатрапа. Убейте его! Вы врач, вы знаете, как это сделать, чтобы не вызвать подозрений.

Иноземцев отпрянул.

– М-мадам, – только и мог пробормотать он.

Заметив, как испугала гостя, Натали отодвинулась, обидчиво повела подбородком.

– Чтобы как-то компенсировать страх, в котором живут ни в чем не повинные жители уезда, я выкупила у земского управления бывшее здание церковно-приходской школы. Восстановила его, наняла за свой счет персонал, превратила никому не нужную хибару в больницу. Я искренне желала помочь бедным селянам, которые умирали от кори, скарлатины и дизентерии только потому, что никто не мог оказать им квалифицированную помощь. Я читала газету вашего дедушки, он яростно сетовал на подобное бездействие. Но кто поверит жене людоеда? Я разъезжала по деревням, заходила в каждый дом, обивала пороги, умоляла поверить, что супруг мой всего лишь душевнобольной и неспособен причинить кому-либо зла. Ему никогда не подняться со своей проклятой постели! Мы все вздохнем спокойнее, когда дьявол приберет его к рукам.

Иноземцев потерял дар речи.

– Помогите, месье Иноземцев! – Натали с мольбой протянула к нему руки. – Сколько вы хотите за это? Я готова отдать все, что имею. Этот дом, земли, – она всхлипнула, – все отпишу на ваше имя. Я просто хочу вернуться домой, к папа! Мне надоело это затянувшееся приключение...

Через минуту вконец разрыдавшаяся хозяйка шмыгала носом в воротник его визитки. Иноземцев неумело пытался ее утешить, уверял, что мадам напрасно тревожится и ее благородные деяния достойны восхищения, а сам мысленно молил, чтобы этот бесконечный день наконец закончился.

Как добрался до комнаты, разделся и лег в постель, он не помнил. И лег ли? И ночь ли сейчас? Шел, засыпая на ходу, не глядя под ноги.

Вроде двигался в спальню, а очнулся в поле. Солнце слепит глаза. Спелые колосья волнуются, и где-то совсем рядом – легкий девичий смех. Видит: Ульяна Владимировна в танце кружит, пальцы едва касаются живых стебельков. Одета в русский сарафан, через плечо переброшена толстая коса, лоб стиснут обручем,

щеки покраснелись, ленты от обода спускаются. Смеется, будто ее щекочат. Вдруг закашлялась, упала на одно колено, руку прижала к груди. Иноземцев – к ней, а она поднимает глаза, злющие-презлющие... Да это и не Ульяна вовсе, а генерал недужный – лицо перекошено, зубы скалит, сквозь кожу шерсть пробивается. Засмеялся – будто демон из преисподней.

Иноземцев с криком вынырнул из сна. Генералов смех стоял в ушах. В груди свербело, к горлу подкатил кашель и стал душить. В окно втекал бледный свет полной луны. Сколько же он проспал? Должно быть, совесть его мучит из-за Ульянушки. Или он просто боится признаться себе, что отравился парами и заработал эту самую мозжечковую атаксию, только не острую, какой малые дети мучаются после ветряной оспы, а уже хроническую, как у последнего выпивохи.

Иноземцев поднялся и провел рукой по влажному лбу, пытаюсь понять, что сон, а что явь. Мысли неслись, как беспорядочный комариный рой, пищали, жалили. Кажется, его лихорадило.

Кое-как высек огонь, зажег свечу, вынул из саквояжа тетрадь и сел за стол.

«Не помню, который день. Не знаю, который час».

Оторвал взгляд от бумаги, вздохнул. Вновь склонил голову.

«Итак, что же произошло? Я угодил в сумасшедший дом, не иначе. Хозяин решил, что он несметно богат, и за излечение жалуется полцарства. Супруга в бешенстве и жаждет его смерти. А в центре всего оказался я. Все ждут от меня волшебства. Излечить или убить. Любопытно, что метод гипноза предполагает оба исхода. И совершенно никаких условий для работы. Надо уносить отсюда ноги, пока разум окончательно меня не покинул. Что-то нервы совсем сдали. Только инъекции луноверина помогают привести мысли в порядок. Без них я стал рассеянным, тянет ко сну, а сна нет. Не покидает меня тревога. Ах да, Ульянушка. Сколько отрешенной печали в ее глазах...»

В эту минуту где-то совсем рядом завыл волк.

Иноземцев вздрогнул и оторвал взгляд от страницы.

Волк повыл, следом словно закашлялся, застонал, а потом, ей-богу, начал хохотать. Никогда прежде Иноземцев не слышал наяву такого странного звука – зловещего, точно в самой преисподней бесы смеялись. И вспомнил свой сон. По спине пробежал холодок.

По причине жары оба окна были распахнуты. Тонкие прозрачные занавески трепетали от дуновения легкого ветра. Словно заговоренный, Иноземцев поднялся и выглянул в сад. Мягко шелестели утопающие в лунном свете кусты жасмина, с надрывом скрипел сверчок, где-то ухала сова. Внезапно внизу громко хрустнуло, зачмокало, зафыркало, и доктор ясно увидел, как мелькнула приземистая тень – промчалась через тропинку и затерялась во тьме.

Глава III. Богадельня

До самого рассвета он не сомкнул глаз. Только когда верхушку леса озарили первые лучи, повалился на кровать и заснул. Утренняя прохлада подарила два часа спокойного сна. В восемь спать уже было невозможно – солнце взошло и направило лучи-стрелы прямо в комнату будущего земского врача, словно повелевало поторопиться с подъемом. Подняться Иноземцев смог лишь после очередного впрыскивания. Кашель мешал попасть иглой в предплечье.

Спустившись, наткнулся на камердинера, который заговорил только после того, как исполнил перед гостем свой привычный приветственный танец.

– Доброго утречка, ваше благородие. Извольте откусать завтрак – накрыли специально в парке. Сегодняшнее утро особенно свежо. Грех не воспользоваться даром господним.

– Благодарю, но что-то нет аппетита. Когда можно будет отправиться в больницу?

Саввич в удивлении всплеснул руками и приготовился возразить, но Иноземцев глянул на него с такой суровостью, какой сам от себя не ждал. Очень стало досаждать, что все вокруг только и пытались дирижировать его действиями, точно заставляя играть роль в каком-то нелепом спектакле.

– Что ж, – сдался слуга, – как вашему благородию будет угодно. Коляска заложена, и мсье Николя, наш управляющий, уже ожидает ваше благородие.

Мсье Николя легко соскочил на землю поприветствовать доктора. Статный француз одних с Иноземцевым лет, одет строго, но с иголочки, с блестящими от бриллиантина черными локонами до плеч, колючим синим взглядом и изящно-небрежной щетиной. На управляющего он походил мало, больше на парижского щеголя или американского миллионщика. Сверкнув ровным полумесяцем зубов, он сделал приглашающий жест к коляске.

Когда молодые люди уселись и возникий, ворчливый бородач Тихон, уже приготовился стегануть пару в яблоках, Саввич подбежал к коляске со стороны Ивана Несторовича и, смешно подпрыгивая, затараторил:

– Барыня велели передать вашему благородию свое благословение. И велели еще добавить, что все в силе и что ждут-с ответа вашего.

Иноземцев взволнованно закусил губу. Лицо стало белее воротника. Он неуверенно кивнул, а камердинер в ответ шлепнул одну из лошадок по крупу.

– Тихон, трогай.

Покатили по аллее, миновали ворота, выехали на дорогу. Слева простиралось поле, справа – лес.

– Очень рад знакомству, Иван Несторович. Натали Жановна с большой тщательностью отнеслась на этот раз к выбору врача для своей больницы. Я полагал, она отправилась воскрешать Гиппократу или по меньшей мере Галена.

– Авиценну, – сыронизировал Иноземцев.

Он не знал, как следует отнестись к словам управляющего – как к лести или как к издевке, поэтому решил ничего более не говорить. Улыбка, которой он постарался скрасить свое молчание, получилась вымученной и оттого глупой до чрезвычайности.

Иноземцев искоса поглядывал на лощеного спутника. Каково же истинное положение этого красавца? Поди, полюбовника с далекой родины привезла барыня, а здесь сделала управляющим. Стоило красавцу заговорить, как его уже было не остановить. Речь его лилась непринужденно, и никакого, надо же, намека на акцент – чистейший русский язык. Только иногда прорезалось легкое грассирование. А может, напротив, он нарочно так коверкал слова, чтобы казаться большим иностранцем. Черт разберет.

Николя принялся говорить о дорогой хозяйке (надо отметить, с большой нежностью). Поведал, как барыня-подвижница проводила часы на лютном холоде, сама руководила ремонтом богадельни. Как ездила в столицы за утварью и мебелью, за медикаментами и специалистами. Как подолгу уговаривала крестьян ходить к ней лечиться.

Сначала Иноземцев слушал с большим вниманием, отмечал некоторые детали, потом голос рассказчика стал ему надоедать. К концу пути у него окончательно разболелась голова, и теперь он думал только о том, что зря отказался от завтрака.

Наконец послышалось заветное «пр-ру-у», и коляска остановилась.

Уездная больница превзошла все ожидания. Бывшее здание церковно-приходской школы за редким аккуратным забором было заново выбелено и кое-где залатано. Слева и справа роща, сбоку домишко сторожа. Цвел жасмин, распространяя головокружительный аромат лета. В версте отсюда, по ту сторону дороги, – церковка.

Пространство внутри обустроено было с максимальным комфортом для больных и для персонала. Сестринская, докторская, аптека, лаборатория, кухня, надо же, даже операционная – это все на первом этаже, палаты – на втором. Всюду чистота и белизна, стройные ряды кроватей освещают потоки дневного света, льющего в чисто вымытые окна. Пахло свежей едой, не то что в обычных больницах. За домом рос сад – яблоки, сливы, орешины, чуть дальше были коровник и курятник. За больными, верно, хорошо смотрели. Барыня Натали постаралась от души.

После нищеты столичной Обуховки Иноземцев едва не прослезился.

– Вижу, вы не остались равнодушны, – с высокомерным удовольствием произнес управляющий. – Ожидали встретить развалюху, пропахшую смертью?

– О да! Неожиданно весьма, – не стал спорить Иноземцев.

– Теперь о ваших прямых обязанностях. – Голос Николая вдруг переменялся. Теперь он звучал резче – из мягкого, бархатного превратился в стальной. Управляющий плотно притворил дверь докторской и развернулся. Иноземцев перестал озиаться и поднял на него глаза.

– Прошу присесть.

Заныло в желудке, но отнюдь не от голода. Иноземцев неловко опустился на кушетку. Управляющий теперь нависал над ним.

– Первое. Больница земству не принадлежит, и вы вступаете на должность штатного врача без официальных бумаг. Никакие формальности вам сейчас не нужны. О Петербурге позабудьте, там вас ждет арест. Мадам Тимофеевой вы понравились, потому советую барыню не огорчать. Она спасла вас от больших неприятностей, умеете же быть благодарным.

Николя сделал паузу, видно, чтобы удостовериться, что слова его достигли цели.

– Посвящать вас в дела предыдущих докторов я не стану, сами разберетесь. Вот стол, вот картотека. – Он выпростал кисть, унизанную перстнями, в сторону высоких стеллажей. – Натали Жановна любит порядок, велела завести на каждую душу тетрадку и разложить их под литерами от «А» до «Я». Вам не составит большого труда разбираться, кто есть кто. Ассистентов у вас не будет, это во-вторых. Весь учет и лечение будете производить сами. Однако эта тяжкая участь будет облегчена – в вашем распоряжении пять толковых медсестер и две фельдшерицы. Они всего лишь исполнители, посвящать в тайну лекарского искусства их не следует. Сами они ни о чем никогда не спросят. Свое дело знают.

Иноземцев поспешил удивиться, но Никола предупредил его вопросом голосом еще более строгим:

– И трэ́тье. Вы заметили, что палаты полны?

– Да, – сорвалось с побледневших губ Иноземцева. Все пациенты спали беспробудным сном – странно для такого позднего часа.

– Лихорадит все деревни в округе. Никто не может понять, что с нашими несчастными больными. На вид они кажутся совершенно здоровыми, но с каждым днем эти крестьяне бледнеют, худеют, теряют голос, следом силы и умирают. Эпидемия уходит корнями в стародавние времена. Порой она затихала, исчезала вовсе, потом возвращалась. Исследуйте ее, – бесстрастно велел управляющий. – За этим вы здесь. Может, природа здешняя иная, может, вода в водоемах, может, еще что.

И помните: каждая смерть будет лежать на вашей совести.

Иноземцев успел подняться, но на последних словах шлепнулся обратно на кушетку.

– Моя миссия окончена, – не обращая внимания на его потерянный вид, проговорил странный молодой человек с напыженными волосами и внешностью оперного Онегина. Достал золотые часы, инкрустированные мелкими алмазами, щелкнул крышечкой и нахмурился. – У меня важное свидание в полдень, я опаздываю. Разрешите воспользоваться вашей коляской? Да, забыл предупредить: Тихон, коляска и пара в яблоках теперь ваши. Я пришлю их, как только покончу с делами.

И покинул комнату.

Еще минуту Иноземцев сидел, не шелохнувшись, вцепившись руками в край кушетки и больно закусив губу. К генералу с ашантийскими алмазами, который находился на расстоянии нескольких, а быть может, одного сеанса гипноза, к его супруге, что была еще ближе – на сажень могилы мужа, добавились больница с пациентами, больными неведомой болезнью. А еще несчастная Ульянушка, затворница, мечтающая о свободе. О ней Иноземцев беспокоился больше всего. Бедное дитя живет в окружении таких страстей – сердце кровью обливается при мысли о нежной ее психике.

Однако пора было делать обход больных.

После трех часов, которые Иноземцев потратил на осмотр и беседы с пациентами, он готов был выть от негодования. Все без исключения оказались, как и говорил управляющий, абсолютно здоровы. Ни скарлатины, ни дизентерии, ни катара желудка, ни даже безобидного ларингита – все как на подбор пышущие здоровьем, только вялые, безразличные и сонные. Они не выказывали ни малейшего волнения, их ничто не удивляло, ничто не казалось подозрительным, хотя на прошлой неделе похоронили трех женщин и одного юношу.

Вернувшись в докторскую, Иноземцев бросил отчаянный взгляд на объемистый стеллаж, занимающий две стены. Больше всего он хотел разобраться со всем быстро и меньше всего – читать эти записи. Тряхнул головой, словно желая отбросить усталость, решил про себя, что завтра непременно приступит к изучению карточек, а на сегодня хватит. Скоро солнце начнет клониться к закату. Успеть бы засветло к усадьбе.

В эту минуту, точно шелест крыльев бабочек (верно, предчувствие), раздался шум подъехавшего экипажа. Иноземцев бросился к окну. За ним!

Тихон явился не один. Изячно откинувшись на широкую спинку и уронив на колени сложенную омбровку, в коляске сидела Ульянушка – ее светлую косу, перекинутую через плечо, и голубой шлейф не узнать было невозможно. От внезапного счастья Иноземцев позабыл сюртук и медицинский чемоданчик и в два прыжка очутился в сенях.

– Не махараджа, а ашантихене, – проговорила Ульяна вполголоса, когда Тихон выкатил коляску на пыльную дорогу. Иноземцев в удивлении уставился на нее. Ульяна глядела куда-то поверх головы доктора, в глазах переливались лучи заходящего солнца, светившего ей прямо в лицо. Вздохнула, улыбнулась печально. Казалось, она думает о чем-то своем, а он невольно подслушал часть ее мыслей.

Но сердце немедленно екнуло при упоминании махараджи. Отчего ей пришло в голову заговорить об этом?

– Что-что вы сказали, Ульяна Владимировна?

- Не махараджа, - повторила Ульяна, по-прежнему глядя в одну точку, и добавила по-немецки: - Mein Onkel war noch nie in Indien[2 - Дядюшка никогда не был в Индии (нем.)].

Иноземцева осенило: неужто тогда в башне у недужного генерала он умудрился высказать свои предположения вслух? Долго ли Ульянушка слушала, как он разговаривает сам с собой? Как неловко вышло!..

Иван Несторович бурно покраснел и опустил глаза, а Ульянушка едва коснулась его руки и снова заговорила, но уже по-русски и с теплой улыбкой:

- Простите, я не хотела вас смутить. Лучше поглядите назад, какая красота!

Уездная больница казалась белоснежным зефирным завитком на желто-пшеничном блюде. Дальше дорога пошла вниз, и здание в окружении тополей стало удаляться, повисло между закатным небом и волнующимся золотым океаном, а потом и вовсе исчезло. Иноземцев перевел взгляд и снова залюбовался генераловой племянницей - тяжелыми веками с чуть опущенными уголками, придававшими ее лицу печальную отрешенность, по-детски округлыми щечками и едва уловимой улыбкой, играющей на губах. Закат золотил ее глаза, волосы, кожу. В пальцах она теребила веточку жасмина, дурманящего своим буйным цветом. Пурпурные соцветия падали с колен на пол коляски.

- Очень красиво, - пробормотал он. Но тотчас смущенно отвел глаза, вдруг осознав, что до неприличия долго разглядывает генеральскую воспитанницу.

- Как вы нашли богадельню моей тетушки? - спросила она.

- Я удивлен. Мечта, а не больница, если бы не странности, которые ее окружают.

На мгновение ее лицо омрачилось.

- Должно быть, Миколка вас настрашал. Это из ревности.

- Какой Миколка? - опешил Иноземцев. - Вы имеете в виду месье Николая?

– Месье Николая! – Ульянушка не удержалась от хохота, а Иноземцев снова почувствовал себя неловко. – Это он совсем недавно стал месье, а так он Миколка Алексеев, сын Настасьи, кухарки.

Изумленный Иноземцев припомнил, как управляющий отлично грассирует, хоть русские слова произносит весьма неплохо. Но смех красавицы был таким заразительным, что он не удержался и тоже начал смеяться.

– Дело в том, что когда Натали вошла в наш дом в качестве супруги дядюшки, а с тех пор минуло без малого три года, наш Миколка влюбился в новую хозяйку и до того досаждал ей своими чувствами, что тетушке пришлось пойти на хитрость. Она дала ему небольшую сумму и наказала ехать во Францию покорять Париж.

– Покорять Париж? И как же?

– Как он сочтет возможным. Выбрать любое дело и добиться в нем вершин.

– И каких же вершин достиг месье Николая?

– Он стал прима-танцором в одном из наимоднейших кабаре.

– Вот оно как! То-то гляжу, движения у него какие-то павлиньи.

Ульянушка снова прыснула, а вместе с ней и Иван Несторович. Как же он был рад ее смеху! В глубине сердца приятно заворочалось, и Иноземцев решил, что непременно поправит ее дела, вылечит дядьку и разберется с чумой. Ради такой-то улыбки!

Но как?

Он тотчас помрачнел и впал в раздумья. Столько жизней и судеб зависело только от него одного.

– А отчего решил вернуться? – спросил он, хотя думать продолжал совсем о другом.

– Верно, чувства его не смог погасить даже свет огней волшебной столицы. Мадам пришлось обещать ему должность управляющего, иначе он не рискнул бы отбыть столь далеко.

До поместья доехали молча. Ульяна снова отрешенно смотрела в сторону, а он перебирал все детали, напрягал память, припоминал, о чем говорили случайные попутчики. Н-да, головоломка. Надобно было найти место в мозаике истории генерала глазами местных жителей, истории генерала со слов самого генерала, наличию или отсутствию алмазов. Скорее наличию. Иноземцев все же не готов был поверить, что домину и больницу француженка отгрохала на собственное приданое. Да и стала бы дочь банкира прозябать в российской глуши? Любовь? Иноземцев был из того поколения, которое презрительно и с насмешкой морщило нос при этом слове. Суровые мужи оставляют сердце чистым и тщательно оберегают его от жука-точильщика, именуемого любовью, дабы служило оно в полную силу на благо делу. А вздохи и причитания – удел девиц и сочинителей, падких до рифмы.

Однако вчерашний приступ отчаяния Натали казался неподдельным. Она, конечно, прежде рисовалась и жеманничала. Но потом с нее вдруг спала маска.

Далее шла больница, палаты которой полны здоровых крестьян. Чума! – вспомнил Иван Несторович причитания станционного смотрителя.

Но как связать это с мнимым пристрастием генерала к людоедству? Что же, этих несчастных держат на откорм? Иноземцев фыркнул.

Картина вырисовывалась довольно странная, одно непременно противоречило другому. А тут еще закончилось действие луноверина, и Иноземцева снова охватил озноб. Не желая пугать Ульяну, он пытался сдерживаться, но ничего не выходило: глаза наполнялись влагой, по спине пробежала судорога, и он заходился настоящими приступами кашля.

– Все хорошо. Я только приму лекарство.

Ан нет, лекарство-то осталось в чемоданчике с инструментами – в докторской на столе.

Он понял это, только когда ступил за порог спальни. Оставшись один, Иноземцев в гневе принялся рвать на себе волосы. Шприцы, раствор, порошок луноверина – все осталось в проклятой больнице.

Пометавшись с четверть часа, он взмок и сорвал с себя жилет. Взгляд упал на стол, где лежал позабытый с утра дневник. Надо бы сделать пометки. Уселся в кресло. Тяжело дыша и чувствуя, как часто-часто бьется сердце, он принялся очинять перо. Руки дрожали, мысли путались. Задел ножичком палец и выругался.

– Черт возьми, что же это такое происходит? Нет, никакой это не бронхит. Ох, Иван Несторович, негоже так! Ни чувствами своими, ни разумом владеть нет сил.

«29 июля, 8.43 пополудни, – накарябал он, – кашель усилился, а унять нечем».

Кашель и озноб мешали выводить строки. От злости Иноземцев отшвырнул перо в сторону.

В эту минуту дверь содрогнулась от могучего удара. Доктор подскочил и схватился за сердце.

– Кто? – выдохнул он. Понял, что его не слышат, и громко, сколько мог, повторил: – Кто?

– Я, вашество, – пробасил Фомка. – Время ужина.

Но Иноземцев успел догадаться, кто посмел его тревожить, еще до того, как раздался голос слуги – по силе удара в дверь. Тут в него точно черти вселились – в глазах побелело, в ушах зазвенело. Он сорвался с места и, широко распахнув дверь, прокричал:

– Какого черта ты мешаешь мне думать! Пошел вон! Чтобы больше здесь не появлялся.

С грохотом хлопнув дверь перед носом изумленного Фомы, он прислонился спиной к косяку, а через секунду обессиленно сполз на пол и готов был разрыдаться.

Еще через пару минут в голове сверкнула спасительная идея. Иноземцев резво поднялся и выбежал в коридор. Глянул налево, направо – никого. Буйвол Фомка точно в подпол ушел, должно быть, нырнул в какую-нибудь потайную дверь, чтобы скорее скрыться из глаз разгневанного гостя.

– Эх, – он махнул рукой, – придется самому. Только бы не заблудиться.

План был таков – пробраться в башню генерала и посмотреть, какими медикаментами лечили Аристарха Германовича прежние доктора. Может, порошки какие успокоительные имеются.

Сначала шел знакомыми коридорами и анфиладой, потом вдруг свернул не туда. Плутал после по пустынным необитаемым залам, коридорам и лестницам неведь сколько. Ходил кругами, вверх, вниз до тех пор, пока за окнами окончательно не стемнело. Все стало одинаково серым. Теперь только высокие узкие оконные проемы вырисовывались то по левую руку, то по правую, в зависимости от того, с какой стороны заходил Иноземцев. Ни единой живой души он не встретил, даже звуков никаких, кроме шума в собственных ушах, не различал. Наконец, совсем отчаявшись, опустился на скамью у стены против длинного ряда окон. В углах возвышались фигуры в латах, между оконными пролетами виднелись прямоугольники портретов и полосы начищенного оружия: польские сабли, турецкие ятаганы, мечи, рапиры – все в пыли и в паутине.

«Оружейная, – догадался Иван Несторович. – И отчего им вздумалось поселить меня в нежилом крыле, да еще определить в самый дальний угол, куда без сторонней помощи не добраться?»

Он не успел додумать эту неприятную мысль – в противоположном углу раздался шорох, пахнуло гнилью. Неужели придется заночевать здесь? Или все-таки попробовать позвать на помощь? Каким, должно быть, он будет выглядеть идиотом!

Сон и стыд общими усилиями поборили страх. Он улегся на скамью. Снова тишина стала дробиться на болезненное гудение в ушах и шорох в углу. Иноземцев сжал зубы, чтобы хоть на мгновение перестать отбивать дробь и, наконец, расслышать, что здесь. Шорох исходил от противоположной стены. Он привстал, спустил ноги и тотчас уперся подошвами во что-то мягкое. На полу

пронзительно пискнуло и шарахнулось в сторону.

– Фу ты! Крыса!

А может, две или три. Слишком большим оказалось это нечто для одной крысы.

Иноземцев брезгливо поежился, с досады выругался, подтянул к подбородку колени и, посидев с минуту, улегся опять. Все ж обычные крысы – это не упыри, не черти и не привидения, из той же плоти, что и он сам. В воздухе повис удушающий аромат – смесь крысиного помета и разлагающейся органики. Так пахло в прозекторской.

Как здесь уснешь?

Шорох усилился. Теперь это больше походило на крысиный концерт с потрескиванием, попискиванием и воинственным фырчаньем, от которого становилось жутко на душе. Не хватало воздуха. Он не выдержал, поднялся и снова утонул в мягком ковре, который зашипел и ушел из-под ног.

– Сколько ж вас?

Яркая вспышка заставила его вздрогнуть и зажмуриться. Но перед этим Иван Несторович успел заметить, что пол весь покрыт серыми шевелящимися комочками. Сейчас эти комочки бросились врассыпную, оставив обнаженным какое-то существо, совершенно обглоданное. Лицо и руки обожгло прикосновение множества иголок – крысы карабкались по нему, точно лилипуты по Гулливеру, коготки пронзали ткань сорочки, достигали кожи. Он закричал. Вскочил, отчаянно размахивая руками, споткнулся, упал, продолжил извиваться на полу, смахивая с себя облепившую со всех сторон нечисть, пока не наткнулся на чей-то сапог.

Приподнялся на колени, протер глаза и долго не мог сфокусировать взгляд.

Перед ним возвышалась дама в темно-лиловой амазонке и высоких ботфортах. На обтянутую тугим лифом грудь спускались блестящие от влаги черные пряди.

– Господи боже мой, – вырвалось у него. – Что з-за м-маскарад?

Продолжая трястись всем телом, он поднялся и, близоруко прищурившись, заглянул в лицо видения. Черты сливались, точно распухли, кожа была голубовато-серой, как у утопленницы, вместо глаз – пустые глазницы, из перебитого подбородка торчала оголенная челюстная кость.

– Кто вы? Откуда свет?

Только сейчас он заметил, что откуда-то с потолка хлещет яркий свет и бьет прямо в глаза.

– Зачем явился и нарушил мой покой? – хрипло, как после продолжительного молчания, проговорила дама и с неожиданным проворством выпростала правую руку. Что-то сверкнуло, просвистело, и Иноземцев почувствовал, как обожгло грудь, будто хлыстом огрели. Беззвучно ахнул, опустил взгляд. От левого плеча к правому бедру пролегла тонкая красная линия и уже расплывалась пятном.

Он не успел поднять голову, как грудь украсилась второй полосой. Эта легла от правого плеча, образовав крест с предыдущей. Падая на колени, Иноземцев успел подумать, что флеботомия при его нынешнем состоянии весьма кстати. Но лихорадка не прошла. Более того, прикосновение шпаги, которую дама, как оказалось, прятала за широкой юбкой, только на мгновение обожгло тело. Боль отступила, вернулся озноб. Иноземцев собрался расстаться с жизнью, но не тут-то было.

Перед глазами просвистел клинок. «Что ей надо? Она ведь уже убила меня», – пронеслось в голове. Но, видимо, инстинкт самосохранения продолжал действовать. Иноземцев успел отпрянуть, кончик шпаги лишь слегка задел ухо. Перевернувшись, он вскочил и бросился наутек. Вылетел на лестницу, кинулся вниз, но снова оступился, да так неловко, что насчитал виском пять ступенек, а на шестой колдовской свет для него померк.

Глава IV. Мими

– Иван Несторович, Иван Несторович! Ваня, Ванечка, проснитесь, миленький!

Иноземцев продрал глаза. Нет, не показалось: возле него, склонившись, с покрасневшими от слез глазами, стояла на коленях Ульянушка и вытирала подолом платья его расшибленное лицо. Сам он распростерся на ступеньках, неудобно прильнув плечом к перилам.

Открыть-то глаза он открыл, но поначалу не смог шевельнуть и пальцем. К счастью, оцепенение длилось недолго. Стоило ему согнуть локоть и колено, как боль вернулась и заставила его жалобно застонать.

– Иван Несторович, куда вас занесло? Нет, не отвечайте! Вам, должно быть, так больно! Бедненький вы мой...

Ловкими движениями она ощупала спину, руки, ноги, запустила теплые пальчики в волосы – проверяла, нет ли перелома.

– Ушиб довольно сильный, но не опасный. – Она оттерла струйку крови, которая норвила заползти за шиворот сорочки. – Вы можете приподняться и опереться на меня?

Иноземцев улыбался, наслаждаясь ее участием. Как она его назвала? Он все слышал! Ванечкой она его назвала...

Заметив, как он смотрит, Ульяна нахмурилась и провела несколько раз пальчиком перед глазами – проверяла реакцию.

– Вы можете привстать? Или мне позвать Фомку? Он вас как пушинку поднимет и мигом доставит до спальни.

Иноземцев сморщился и замотал головой. Внезапный приступ тошноты подступил к горлу. Он стиснул зубы и жалобно поглядел на спасительницу. Та поняла, просунула руку под плечи и слегка подтолкнула. Благодарение небу, за день во рту маковой росинки не было, иначе содержимое желудка тотчас оказалось бы на ее платье.

Ближайшим местом, где можно было разместиться, оказалась кухня. После нескольких шагов Иноземцев смог идти сам, Ульяна только слегка поддерживала за локоть. Она отвела его к креслу-качалке, укрыла пледом,

зажгла свечу. Теплая нега разлилась по телу.

Он тотчас задремал, наблюдая сквозь сон, как Ульянушка оmyвает рану на виске теплой водой и смазывает ее маслянистым бальзамом. Она улыбалась, склоняла голову то вправо, то влево, иногда тихо мурлыкала: «Мой гений, мой ангел, мой друг».

Иноземцев клевал носом. Веки отяжелели, перед глазами все смазалось в фосфорический сгусток: дорога, паяльная лампа, веснушчатое лицо француженки, красная обивка, снова дорога, грохот тарантаса...

Не здесь ли ты легкою тенью,

Мой гений, мой ангел, мой друг,

Беседуешь тихо со мною

И тихо летаешь вокруг, –

едва слышно напевала Ульянушка. Все бы ничего, но слова показались Иноземцеву знакомыми. Вдруг совсем некстати восстал образ дамы в лиловой амазонке.

Резко вскочив и отбросив плед, он посмотрел на свою рубашку – ни следа. Схватился за ухо в совершенной уверенности, что полмочки безжалостно отсечено, но и ухо оказалось целым.

– Снова галлюцинации. Что же такое происходит? Я сошел с ума... Никаких инъекций уже несколько дней... Или я все же что-то смешивал? Господи, – застонал Иноземцев, – я ведь ничего не помню.

Испуганная Ульяна с секунду стояла в стороне, держа в одной руке бинт, а в другой – темного цвета пузырек, и хлопала ресницами. Затем отставила все в сторону и приблизилась к нему.

– Все возможно, вон вы какую шишку себе набили. – Она легонько надавила ему на плечи. Безвольно поддавшись, Иноземцев сел и нахмурил брови.

– Говорили мне не играть с огнем, – мрачно сказал он. – Теперь я конченный человек, Ульяна Владимировна. Разум играет моим телом, точно кошка с мышью. И вам я оказался мало полезен. Более того, опасен! Вернусь в Петербург, сниму комнату, запрусь и не выйду, пока разум и тело не освободятся от проклятого отравления. Надо будет, и не один месяц просижу. А что? Недурной эксперимент. Если останусь жив, опубликую свои записки. На основе моих наблюдений можно будет развить новую методу лечения помешательств.

Ульяна с печалью в глазах слушала эту речь.

– Что же вы там, в этой проклятой зале, увидели, что говорите такие отчаянные слова?

– Какая разница? Чего только не привидится человеку с воспаленным мозгом, – махнул рукой Иноземцев. – Как сейчас вижу: полоснула мою грудь крест-накрест. Шпагой! От такой раны, будь она настоящей, я скончался бы на месте. Клинок в этом моем видении вошел глубоко, вспорол и легкие, и желудок, печень... Так мне, по крайней мере, показалось. Кровищи было! Но сейчас на мне ни царапины, и рубашка цела. Это очень печально, Ульяна Владимировна, когда иллюзия, порожденная разумом, так похожа на правду.

– Это Мими, – одними губами произнесла она. – Дама была в амазонке и в высоких черных сапогах со шпорами?

– Шпоры, положим, я не разглядел... Что? – Иноземцев подскочил на месте, осененный догадкой. – И вы ее видели?

– Нет, я никогда не видела. Она являлась только дядюшке, остальные же могли слышать, как она бродит по оружейной зале, гремит шпорами, стучит шпагой по латам, подсвечникам...

– Господи! – взмолился Иноземцев и больно ущипнул себя. – Мне опять грезится?

– На сей раз это не сон.

– У вас в доме живет привидение? – Доктор не смог сдержать счастливый улыбки. Подумать только, еще три дня назад он был убежден, что ничего

подобного не бывает. – Привидение? Призрак? Какой очаровательный, но избитый сюжет: замок, привидение... Может, и родовое проклятие имеется?

– Сегодня вы лишились ужина, – ответила она своим мыслям, не его вопросу. – Я принесу вам горячего бульона. А потом расскажу о Мими.

Иноземцев подавил волнение, молча повинился, уселся обратно в кресло, укутался пледом и стал терпеливо ждать.

– Мими, или Эмилия Гонзага, была бы моей прапрабабушкой. – Ульяна села на скамью, сложила изящные ручки на широкой юбке и, дождавшись, когда Иноземцев допьет, начала рассказ. – О да, было бы чем гордиться: мой прапрадед взял в жены дочь мантуанского князя Карла Фердинанда Гонзага-Невер и Сюзанны Лотарингской. Европейские державы рвали на куски испанские владения, герцогство Мантуя было передано Габсбургам, князь одряхлел, а на шее висела единственная дочь. Он решил отдать ее за русского дипломата с немецким именем – Фридриха Бюлова, служившего у царя Петра. Но девушка была влюблена в скромного художника Энцо Мурто, который жил в палаццо князя.

Их история заслуживает того, чтобы стать легендой или песней о великой любви. И, увы, не менее великой трагедии.

Завернутого в пеленки Энцо нашли у ограды дворца, когда княгиня Сюзанна носила под сердцем будущую Мими. Детство и юность найденыш и красавица княжна провели вместе. Вместе проказничали, вместе штудировали греческий и латынь, вместе учились держать кисточку. Когда обоим минуло пятнадцать, синьор Карл Фердинанд решил, что негоже принцессе прозябать в обществе безродного. Скрасил детство дочери, и довольно на этом. Юношу отправили в мастерскую именитого скульптора. Но, подобно шекспировским героям, влюбленные не прекращали встреч.

Нельзя и представить их отчаяние, когда спустя год, накануне битвы с австрийцами, князь отдал руку дочери чужестранцу. В день, когда в Мантую со своим войском вошел Виктор Амадей Второй, Эмилия выехала с супругом в восточные ворота, в Россию, а князь Гонзага – в северные, он направлялся в Венецию.

Юный Энцо тем временем сражался с австрийскими солдатами в рядах добровольцев. Единственным, чего искал несчастный влюбленный, была смерть. Но со дня появления на свет, невзирая на прозвище, которое дали ему горничные князя – Морто, иначе говоря, мертвый, – смерть обходила его стороной. Сколько раз Энцо тонул, горел, падал с высокой мансарды – и ни разу ни единой царапины. Ангел смерти хранит его, говорили мантуанцы.

Вот и на этот раз его не задела ни пуля, ни штык. А при сдаче города один из австрийских капитанов отпустил его. Энцо долго шел пешком по той дороге, где накануне пронеслась карета, увезшая его прекрасную Мими. Шел день, два, неделю, месяц. Он исхудал, одежда его превратилась в лохмотья, но он продолжал идти в надежде, что отыщет эту проклятую Россию.

Тем временем Мими, став супругой Фридриха Бюлова, приняла вместе с мужем православную веру: Фридрих назвался Федором, а Эмилия – Ксенией. На чужбине она впала в такую глубокую тоску, что вскоре потеряла дар речи. Бюлов не знал, как быть. Отстроил для супруги усадьбу в итальянском стиле, разбил ступенчатые сады. Прислуживали ей исключительно итальянки, итальянские музыканты играли для нее на лютнях. Он сделал все, чтобы она чувствовала себя как на родине. Но красавица чахла на глазах и вскоре слегла.

В один из чудесных сентябрьских вечеров Мими сидела на террасе, закутавшись в шаль. Вдруг прибежала одна из ее прислужниц и, запыхавшись, выпалила:

– Там у ворот сторожа задержали странника в лохмотьях. Он мантуанец!

Эмилия побледнела и поднялась. Шаль скатилась с ее плеч на спинку кресла.

– Энцо! – впервые за два года произнесла она и бросилась за девушкой к воротам.

Но калитка была уже заперта, а стражники преспокойно играли в кости.

– Отворите замок! – гневно прокричала она по-русски. Отставные солдаты, служившие у дипломата, разом обернулись. Ого, заговорила барыня!

– Да там бродяга, каких каждый день ходит немало, – отозвался один.

– Отворите! – повторила Эмилия.

Пришлось повиноваться: барыня была настроена решительно.

Когда калитка распахнулась, взорам предстал сидящий у ворот монах, небритый, с взлохмаченными черными волосами чуть не до лопаток. С радостными воплями барыня бросилась ему на грудь. Рыдая, она успела помянуть добрую половину католических святых (приняв православную веру, Мими продолжала носить под сорочкой четырехконечное распятие).

На шум слетелась челядь, следом подоспел и сам хозяин. Глаза его расширились от удивления – он никогда не видел, чтобы его супруга была столь счастлива. Лицо ее светилось, она смеялась и плакала, обнимая чужеземца.

Бюлов немедленно дал себе слово, что кем бы этот оборванец ни был, хоть чертом лысым, он станет самым почетным гостем в его доме.

Эмилия бросилась супругу в ноги.

– О мой господин, – заговорила она на родном языке, ибо на русском от волнения не могла связать и двух слов, – этот человек – мой молочный брат. Мы жили неразлучно, пока война не развела нас. Он поклялся найти меня, и вот он здесь.

Как и пообещал мой прапрадед, Энцо Морто был принят как дорогой гость.

Юный художник полностью завоевал доверие хозяина. Бюлов, которому стукнуло полвека, искренне привязался к нему и вскоре уже называл его не иначе как «дитя мое» и «сын мой». Вечерами они беседовали, днем выезжали в охотничьи угодья пострелять зайца. Уже нельзя было сказать, кому больше радости доставлял Морто – хозяину или вновь обретенной молочной сестре.

Однако Эмилия вела себя крайне осторожно. Она сократила встречи с возлюбленным до одного-двух раз в день и, когда выпадала минутка, просила Энцо не предпринимать ничего ради свиданий с ней, а продолжать любезничать с хозяином и писать его портреты. Все они висят ныне под завесой. И сейчас вы узнаете почему.

Энцо ломал руки, изнемогая от тоски по любимой, которая вроде здесь, в нескольких шагах, но припасть губами к тонкой шейке, заключить в объятия невозможно. Какая страшная пытка!

– Терпи, рано или поздно по долгу службы он уедет из поместья, – твердила Мими.

Но Бюлов, как назло, продолжал сидеть дома. Служебный долг никуда его не призывал.

Никогда ранее Эмилия не испытывала столь острой ненависти к супругу. Ждать, когда он наконец пожелает оставить влюбленных наедине, становилось невыносимым.

Пришлось пойти на хитрость.

Время от времени их соседи устраивали званые обеды и балы. В один из апрельских дней (минуло более полугода) предстояла прогулка на вошедший тогда в моду английский манер – верхом.

Эмилия и Энцо заранее условились, что он притворится больным и останется в постели, а Мими вернется через час-другой, поскольку подвернет ногу.

Увы, провести дипломата оказалось не так просто. Эмилия подвернула ногу, но отправить ее назад одну Бюлов не решился и пересадил в карету хозяйки. Пришлось бедняжке Мими до вечера кататься в обществе двух болтуний – госпожи Войновской, которая боялась ездить верхом и предпочитала комфорт экипажа, и ее компаньонки Марии Елисеевой. Эмилия была готова разрыдаться – план провалился.

Молодая итальянка выглядела такой подавленной, что госпожа Войновская не удержалась от вопроса.

– На вас лица нет, душенька. Что-то стряслось?

– Невыносимо ноет лодыжка, – нашлась Мими; но рука театрально легла на живот. – Этой ночью я так дурно спала, что предстоящий ужин кажется мне

страшнее Судного дня.

– Бедняжка! – воскликнула хозяйка, растолковав жест юной соседки так, как той было надобно. Она постучала в окошко кареты: – Эй, Митюша! Вези-ка нас домой.

– О, мой супруг будет беспокоиться!..

– Я возьму вашего супруга на себя, – тоном, не терпящим возражений, произнесла почтенная дама. – Разве можно в вашем положении трястись в экипаже по лесным дорогам? Неужто вы Федору Иоанновичу ничего не сказали?

– Нет, – кротко ответила Мими, в голове которой мигом созрел спасительный план взамен того, что провалился.

– Бедное дитя! Скажите ему поскорее, он так страстно желает стать отцом. Сейчас вам подготовят мягкую постель, и вы спокойно отоспитесь. А к вечернему торжеству будете чувствовать себя прекрасно.

Оставшись одна в предоставленной ей комнате, Эмилия кинулась к окну, оглядела стену, отметила, что выступы на ней довольно широкие, можно дотянуться и до плюща, по которому легко будет спуститься. Когда въезжали во двор, Мими зорко оглядывалась, ища крышу конюшни.

Сумерки окутали двор, куда выходило окно. В доме сейчас только слуги, празднество назначено на девять, и в ее распоряжении два с лишним часа, чтобы встретиться с Энцо и вернуться к ужину. Волнение и страх будоражили кровь, азарт придавал силы. Мими была итальянкой, а итальянки недаром славятся самыми бесстрашными из женщин. Ее далекая родственница Джулия сумела вырваться из рук похитителей и среди ночи обнаженной верхом вернулась во дворец отца. Воодушевленная таким примером, Мими легко скользнула вниз по стене, прошмыгнула в конюшню и оседлала кобылицу хозяйки. Удивленным слугам она бросила на ходу, что выспалась и намерена вернуться к остальным гостям.

Энцо весь день проторчал в оружейной зале, где влюбленные условились встретиться. Когда явилась Эмилия, запыхавшаяся, но столь прекрасная в темно-лиловой амазонке, в маленькой, украшенной пером треуголке – прическа

не выдержала бешеной скачки, и смоляные локоны рассыпались по спине, – Энцо подхватил ее на руки и стал кружить.

Их счастье длилось несколько минут. Едва Энцо успел сорвать сорочку, а Эмилия треуголку, как грянул выстрел. Оба вздрогнули и обернулись. В дверях стоял Бюлов с двумя двуствольными пистолетами – видно, выследил супругу и основательно подготовился. Об измене он если не знал, то догадывался.

– Я так и знал! Черт подери, так и знал! – Его голос срывался. – Мими! Эмилия! Ты предала меня!.. И ты, Энцо, ты вполз в мой дом, точно змий!

Грянул еще один выстрел. Бюлов отбросил один пистолет и вытянул другой.

– О мадонна! Прошу, убери оружие, – взмолилась Эмилия, пытаясь вырваться из крепких рук любовника и заслонить его собой.

Но оскорбленный муж был настроен решительно. Прогремел третий выстрел. Энцо взвился, оттолкнул возлюбленную и бросился грудью на Бюлова.

Четвертый выстрел уложил итальянца наповал.

Мими с криками и слезами кинулась к убитому, но перевернуть тело не успела – Бюлов схватил ее за волосы и поволок к лестнице.

Слуги видели, как хозяин швырнул окровавленную хозяйку на крыльцо. Эмилия была еще жива. С переломанными ребрами, вывернутым плечом и разбитым лицом, она все же пыталась подняться. Тогда Бюлов стянул ей волосы на затылке и рывком заставил встать. Долго он говорил о своих растоптанных чувствах, о желании иметь супругу, а не холодное молчаливое чучело, о детях, которые могли у них родиться. Затем оба, шатаясь, добрались до фонтана, где Федор Иоаннович утопил неверную – мою несостоявшуюся прапрабабушку.

Три дня он провел, распластавшись на полу спальни, – лечь на ложе, которое делил с Мими, он не решился. Три дня тело Эмилии плавало в фонтане напротив крыльца. Только на четвертый день Бюлов нашел в себе силы и похоронил жену. События той злосчастной ночи дошли до Преображенского приказа и Тайной канцелярии, но Бюлов был в большом почете у царя, и дело не стали предавать

огласке. Тем более что убитых было не двое, как предполагалось, а одна – жена, понесшая справедливое наказание за измену. Энцо нашли повесившимся в лесу.

– Немыслимо! – не удержался Иноземцев.

– Но это еще не все, – печально улыбнулась Ульяна. – Пять лет спустя дипломат взял в жены юную сиротку, владелицу земель, соседствующих с его землями. Вторая жена подарила ему двоих сыновей. Младшего, моего прадеда Германа, успели спасти – отправили в столицу к родственникам прапрабабки. Со старшим же приключилось несчастье.

До сих пор никто не может понять, с чего все началось. Сначала странным образом повели себя слуги Бюлова. Ходили три дня белее скатерти, а наутро четвертого не являлись к своим обязанностям – их находили на скотном дворе в полоумном состоянии, с окровавленными устами и руками. Эпидемия переметнулась на соседние деревни и обернулась самым настоящим бедствием – люди сходили с ума и набрасывались на животных и друг на друга, а потом умирали. Вообразите: кругом одни каннибалы. Ни замки крепкие не спасали, ни оружие.

Когда неведомая болезнь унесла младшего сына Бюлова, супруга его тронулась умом. Вжалась в угол огромной постели, стиснула руками уши и сидела, раскачиваясь и подвывая. Ее пытались привести в чувство, но несчастная могла только истошно рыдать. Так она промаялась целую неделю, пока не впала в беспамятство. А в минуту просветления рассудка поведала о лиловой тени, которая являлась к ней каждую ночь и клялась отнять сыновей, а супруга умертвить самой страшной смертью. Стоило ей признаться в этом, как она закрыла глаза и испустила дух.

На похоронах открылось, что могила первой жены хозяина разрыта. Ни гроба, ни тела Эмилии не обнаружили – ни единой щепки, ни косточки.

Теперь все вокруг только и говорили о восставшей из ада итальянской принцессе. Бюлов поспешил отправить Германа с двумя няньками в Петербург, но сам перед отъездом решил собрать ценные вещи. Он расстелил на столе полотняную простыню и без разбора стал вытряхивать содержимое ларцов. Камердинер был с ним.

Мощный вихрь ударил в застекленную раму и с силой распахнул ее. Лиловая тень взвилась в воздухе. Слуга, крестясь, шарахнулся и забился в дальний угол. Пред ним во весь рост стояла Мими – стояла спиной: мокрые черные пряди свисали до бедер, по амазонке и сапогам с золотыми шпорами стекала вода.

– Точно такой я ее и видел, – в страхе прошептал Иноземцев.

– Бюлов с ларцом в руках замер. – Ульяна понизила голос до драматического шепота. Да, рассказчицей она была хоть куда – Иноземцев едва дышал, слушая ее. – В следующую минуту ларец выпал, глухо ударившись об пол, а Мими, точно разъяренная кошка, набросилась на супруга, повалила и стала рвать зубами. Камердинер и пальцем пошевелить не мог. Он стоял на коленях и видел, как она бросила полуобглоданное тело Бюлова. Тот некоторое время еще стонал и шевелился. И, вся в крови, выскочила в окно.

– Страшно подумать, зачем я ей понадобился, этой вашей Мими, – прошептал доктор.

– Вот так Эмилия Гонзага отомстила своему жестокому супругу. Отомстила и исчезла. В округе воцарился покой. Люди долго не хотели возвращаться сюда, и покинутые дома пустовали не один год. Но чудесным образом история забылась. Крестьяне вернулись, сменились поколения, и сегодня вряд ли кто-то вспомнит о том, что произошло в тот зловещий день в усадьбе моего предка.

Помнил лишь камердинер.

Он оправился от пережитого потрясения, воссоединился с моим прадедом и оберегал его от посягательств Лиловой Тени до последнего издыхания. Он понял, что итальянская супруга Бюлова, погибшая не своей смертью, восстала из могилы и стала упырем, кровопийцей, живым мертвецом, питающимся плотью человеческой. Он изучил все методы борьбы с нежитью и благополучно охранял – при помощи чесночных цветков, осиновых веток и серебра – моего прадеда, а после его сыновей Аристарха и Франца, пока те служили императору.

Франц, мой дед, презрел предостережения верного слуги и, едва моему папеньке стукнул год, погиб от родового проклятия – был найден задушенным. А дядюшка бежал сначала в Англию, потом в Ашантию и затерялся среди красных мундиров. Что случилось с моими родителями, вы, верно, знаете от Саввича. Вот

не знаю, ожидать ли, когда Мими придет и за мной.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Menispermum dahuricum – луносемянник даурский.

2

Дядюшка никогда не был в Индии (нем.).

Купить: https://tellnovel.com/ru/nelidova_yuliya/delo-o-byulovskom-zvere

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)